

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI).

I. Пролог

Экран светлеет.

Руки Пимена, развивающие свиток, на котором написано: «В 1598 году со смертью царя Феодора[1], сына Иоанна Грозного[2], древняя династия русских царей пресеклась. Феодор был бездетен, а его младший брат, царевич Дмитрий[3], который должен был ему наследовать, загадочно погиб еще при жизни Феодора от руки убийцы.

Россия осталась без царя. По обычаю страны народ должен был избрать нового. Было решено предложить власть любимцу Иоанна Грозного шурина царя Феодора – боярину Борису Годунову.[4]

Экран медленно темнеет.

Яркий летний день. Но будет гроза. На холме, с которого открывается вид на всю Москву, всадник на черном коне, князь Василий Шуйский[5] С ним несколько приставов, тоже на черных конях. Конская сбруя звенит и сверкает на солнце. На небе появляются первые гроззовые тучи. Тени от них пробегают по городу, пятнами ложатся на Москву–реку. Шуйский подымает голову, смотрит на небо.

Шуйский.

Будет гроза!

Подъезжает князь Воротынский, статный боярин с черной густой бородой и с умными, живыми глазами. Он и сопровождающие его пристава – на белых конях.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать.

Шуйский.

Но, кажется, нам не за кем смотреть.

Воротынский.

Москва пуста; вослед за патриархом
К монастырю пошел и весь народ.
Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать немудрено
Народ еще повоет и поплачет.
Борис еще поморщится немного.
Что пьяница пред чаркою вина.
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...
(Обращаясь к одному из приставов).

Проведай-ка, что слышно –
Согласился ль
Принять венец боярин Годунов?

Пристав, в сопровождении еще двух других, ускакивает.

Воротынский.

Но месяц уж протек,
Как, затворясь в монастыре с сестрою, [6]
Он, кажется, покинул все мирское.
Что, ежели правитель в самом деле
державными заботами наскучил
И на престол безвластный не войдет?

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну
Лилась кровь царевича-младенца;
Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто ж?
Я в Углич послан был
Исследовать на месте это дело:
Наехал я на свежие следы;
Весь город был свидетель злодеянья;
Все граждане согласно показали;
И, возвратясь, я мог единым словом
Изобличить сокрытого злодея.

Воротынский.

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил
Спокойствием, бесстыдностью
нежданной,
Он мне в глаза смотрел, как будто
правый.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Слушай, верно
Губителя раскаянье тревожит:
Конечно, кровь несчастного младенца
Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет: Борис не так-то робок!

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право
Наследовать Феодору.

Шуйский.

Да боле чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский.

Что ж!
Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать.
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно; пусть
Себе в цари любого изберут.

Воротынский.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Нет, трудно нам тягаться с Годуновым.
Народ отвык в нас видеть древню отрасль...
А вот когда бы чудом, из могилы,
Царевич наш Дмитрий вдруг воскрес...

Шуйский (махает рукой).

Эх, полно, князь! Что попусту болтать.
Во гробе спит Димитрий и не встанет.
Не нам с тобою мертвых воскрешать.

Пристава возвращаются с двух концов.

Воротынский.

Ну, что? Узнал?

Пристава.

Он – царь! Он согласился!

Шуйский.

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять малюты[7],
Зять палача и сам в душе палач.
Венец возьмет и бар мы Мономаха!

Сильный удар грома. Шуйский и Воротынский снимают шапки и крестятся.

II. Сцена на мельнице. Гадание

1

Лес, ночь, гроза. Шум столетних сосен и дубов. Дождь, град, молния. В чаще леса огромный медведь, испуганный близко упавшим громом, вылезает из берлоги, продираясь сквозь валежник, ломает сучья с треском, встает на задние лапы и ревет.

Гроза пронеслась почти мгновенно. Гром все дальше, глуше и, наконец, затихает совсем. Небо яснее, месяц, пробиваясь сквозь быстролетящие тучи, озаряет лес.

Двое всадников, Борис и Семен[8] Годуновы, едут по глухой тропе. Подъезжают к мельнице, старому, мшистому срубу с шумящим в запруде колесом. Спешившись, Семен стучит в окно долго, сперва кулаком, потом кнутовищем.

Семен. Мельник, мельник, а мельник! Оглох, старый пес, что ли?

Мельник (приоткрывая оконце). Нет на вас погибели, чертовы дети! Кто такие, откуда? Коли вор, берегись, свистну по башке кистенем, с места не сойдешь!

Семен. Что ты, пьяная харя твоя, протри глаза, аль не видишь, бояре!

Мельник. Что за бояре? Знаем мы вас, шатунов! (Вглядываясь). Что за диво? Батюшки, светики! А я-то, старый дурак, сослепа... Ох, не взыщите, кормильцы. Сейчас, – сейчас, только лапти вздену, да вздую лучину.

Семен помогает Борису спешиться.

Борис. Это он и есть колдун? Семен. Он самый.

Мельник отворяет дверь и выходит на крыльцо, старый-старый, весь белый, как лунь, огромный, косматый, как тот медведь в валежнике.

Мельник (кланяясь князю). Ах, гости мои дорогие, желанные! Вот послал Бог соколов в воронье гнездо! Сбились, чай, с дороги, заплутались? Место наше глухое, лихо по лесу ходит, воровские люди, шатушие, долго ли до греха? Переночуйте, родимые. Тут у меня, как у Христа за пазухой.

Семен. Бери коней. Конюшня-то есть?

Мельник. Нет, батюшки. Да мы их тут, сейчас, за тыном, будут, небось, в сохранности. (Привязав коней). В избу, кормильцы, в избу пожалуйте, не взыщите на бедности!

Входят в большую избу, курную, закоптелую, тускло освещенную воткнутой в светец лучиной. Гости ищут глазами иконы в углу.

Семен. Боги-то где ж у тебя?

Мельник (ухмыляясь). Боги тютю, воры намедни украли! (Усаживая гостей на лавку). Чем потчевать, батюшки?

Семен. Ничего не надо. Мы к тебе за делом, старик. Будем гадать.

Мельник. Кому же, тебе, ему, аль обоим?

Семен. Нет, не нам, – царю Борису Федоровичу.

Мельник. Да разве он царь?

Семен. Днесь, наречен, а неволге будет и венчанье.

Мельник. Ахти, а я и не знал, вот в какой берлоге живу. Ну, слава Богу, давно бы так! (Подумав). Да как же царю-то без царя гадать?

Семен. Этот боярин – ближний друг царев. Все, что скажешь ему, царю скажешь.

Мельник (пристально вглядываясь в Бориса). То-то, сразу видать, слава царева на нем, как заря на небе красная. (Падая вдруг на колени). Батюшки, родимые, не погубите, помилуйте! Мне ли, смерду, о царе гадать? Коли что ему не по нраву скажу, – ведь прямо под топор на плаху...

Семен. Полно, не бойся, старик, никто тебя пальцем не тронет. Вот тебе царев гостинец.

Кидает ему мошну. Тот, прижав ее к груди, жадно щупает.

Мельник. Ух, сколько! Весь-то я с мельницей моей того не стою, пошли, Господь, царю здоровья!

Семен. Царь тебя озолотит, только всю правду говори, как перед Богом, а солжешь, лучше бы тебе и на свет не родиться. Ну, живей!

Мельник. Здесь, бояре, нельзя, – надо вниз, к колесу. Да и вдвоем не гоже. Ты здесь оставайся, а он пойдет со мной.

Семен. Ладно, живей!

Мельник. Мигом, только огонек запалю, да петушка зарезу черного...

Борис (тихо, как будто про себя). Резать не надо!

Мельник (вглядываясь в него еще пристальнее). Как же, батюшка? Без крови нельзя. Всяко дело крепко на крови стоит. Да и те без крови ничего не скажут.

Борис (так же тихо). Ну, ладно, режь, только подальше, чтобы я не слышал.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org

Мельник. Небось не услышишь, чик по горлу и не пикнет.

Мельник уходит. Молчание. Ветер опять поднялся. Слышно, как лес шумит. Борис, упершись локтями в колени, опустил голову и сжал ее ладонями. Черный кот, спрыгнув с печи, ластится к ногам Семена. Тот отталкивает его ногою: «Брысь». Кот, выгнув спину горбом и ошестинившись, жалобно мяучит. Выйдя из-под лавки, вороненок ковыляет по полу, волоча больное крыло.

Семен (хлопая на него ладонями). Брысь и ты, поганец!

Вороненок хочет взлететь на одном крыле и не может, падает, опять ковыляет, косит на гостей одним глазом, разевает кроваво-красный клюв и каркает.

Семен. Государь, а Государь!

Борис (не поднимая головы). Ну?

Семен. Старый-то плут, кажись, что-то пронюхал, а, может, и раньше знал. Ох, берегись, Государь! Что как не мельник тут главный колдун, а Шуйский? Он тебе наколдует... Я бы этого мельника на первый сук вздернул да всю его чертову мельницу огнем спалил!

Борис. Может, и спалю, но раньше судьбу узнаю.

Семен. Эх, Государь, что узнать? От судьбы не уйдешь, человек в судьбе не волен.

Борис (поднимая голову). Нет, волен, только бы знать, только бы знать! (Прислушиваясь). Что это? Слышишь? Режет!

Семен. Что ты, батюшка, полно! Ветер воеет в трубе, аль ржавая петля в дверях визжит. Вишь, как всполошился, и меня-то жуть проняла. Ох, Государь, лучше уйдем от греха! Сколько молились, постились, да прямо из святой обители в гнездо бесовское. Грех!

Борис (глядя ему в глаза с усмешкой). Вот чего испугался! Нет, брат, нам с тобой греха бояться, что старой шлюхе краснеть!

Входит Мельник.

Мельник. Готово, боярин, пожалуй!

Борис выходит с ним через низкую дверцу на лестницу, ведущую вниз, где слышен шум, гул жерновов и стук колеса.

2

Тою же глухой тропинкой, как давеча Годуновы, пробираются два чернеца, Мисаил и Григорий[9], с посохами в руках, с тяжелыми за плечами котомками, в облепленных грязью лаптях, насквозь промокшие. Мисаил, лет сорока, низенький, жирный, красный, с веселым, добрым и хитрым лицом; Григорий, лет двадцати, высокий, стройный, ловкий, с некрасивым, но умным лицом, рыжий, голубоглазый. Мисаил чуть ноги волочит, кряхтит и охает; Григорий идет бодро.

Ясное небо, яркий месяц, сильный ветер. Лес шумит, как море.

Григорий. Вот она, мельница!

Подходит к окну, стучит.

Мисаил. Ох, Гришенька, боязно. Мельник-то, слышь, колдун. С чертями водится. Ну, как откроет окно, да такая оттуда харя выглянет, что свет не взвидим!

Григорий. Пусть харя, только б в избу пустил, не ночевать же в лесу!

Опять стучит. Окно приоткрывается.

Семен (изнутри). Кто там?

Григорий. Странники Божьи, иноки смиренные. В лесу заплутались, измаялись. Пусти, Христа ради.

Семен. Не пуцу, проваливай!

Григорий и Мисаил (вместе). Дедушка, а дедушка, смилуйся, родной, пусти!

Семен. Сказано, проваливай, пока шкура цела!

Григорий и Мисаил. Хлебца-то, хлебца хоть корочку дай! Господь тебя наградит.

Семен (выставив дуло пистолета в окно). Прочь, сукины дети, чтобы духу вашего здесь не было; – убую!

Окно закрывается. Мисаил, отскочив, присел на корточки.

Григорий (медленно отходя и оглядываясь). А ведь это не мельник!

Мисаил. Кто же такой?

Григорий. Кажется, будто боярин. Кафтан парчовый, кунья шапка и пистоль турецкая с золотой насечкой.

Мисаил. Черт нас морочит, Гришенька, пойдем-ка, пойдем поскорее от греха! (Тащит его за руку).

Григорий. Стой, погоди! Надо местечко сыскать, где посуше, хоть конуры собачьей, чтобы прикорнуть. А может, и в кладовку лаз найдем, чем-нибудь поживимся.

Крадучись, идут вдоль стен избы и заворачивают за угол. Здесь крутой обрыв. Внизу, у плотины, стучит колесо. Григорий, наклонившись, с кручи смотрит вниз.

Григорий. Видишь, огонь?

Мисаил (крестясь). Мать Пресвятая Богородица! Да ведь это – они – с рогами, с хвостами, черные, у-у! Скачут, пляшут, свадьбу справляют бесовскую...

Григорий. Дурак! Чего испугался. Видишь, люди. Дым валит от огня и тени ходят по дыму. Двое. Что они делают? Колдуют, что ли? Пойдем-ка, посмотрим.

Мисаил. Что ты, братик миленький! Прямо им в когти...

Григорий. Ладно. Коли трусишь, оставайся здесь, спрячься в кусты, а я пойду.

Мисаил. Ой, не ходи, Гришенька, светик мой, не губи души своей понапрасну! Они тебя задерут.

Григорий. Ладно, кто кого задерет, еще посмотрим!

Мисаил прячется в кусты. Григорий, цепляясь за ползучие корни и травы, слезает по круче на дно оврага. На той стороне его, у мельничного колеса, навес под соломенной крышей, с невысоким, ветхим, покосившимся тыном из бревен. Григорий влезает к нему и, приложив к щели между бревнами глаз, жадно смотрит.

3

Мельник под навесом усаживает Бориса лицом к вращающемуся колесу, на сваленные кули с мукой и хлебом.

Мельник. Мягко ли тебе, сынок, покойно ли? Надо, чтобы дрема одолела, – лучше увидишь и услышишь все.

Кидает в огонь сухие травы и корни. Пламя вспыхивает ярче, гуще валит дым.

Мельник. Глубже, глубже дыши, всю грудь, небось дымок смоляной, травяной, духовитый, слаще ладана, крепче пенника!

Льет на огонь кровь из чашки, капля за каплей. Топчется на месте, быстро семеня ногами, подпрыгивая, как на току тетерев.

Мельник.

В колесе моем вода,
В жилах алая руда.
Колесо вертись, вертись!
Было верх, будет низ;
Было нет, будет да;
Что вода, то руда.

Вдруг, обернувшись к Борису и низко наклонившись, уставив на него неподвижный взор, – все так же быстро семеня ногами, подпрыгивая, медленно идет на него.

Мельник. В очи мне, в очи смотри; прямо в очи, – вот так.

Взор у Бориса становится таким же неподвижным, как у Мельника. Тот машет руками, однообразно проводит ими по воздуху, как будто ласкает, гладит не его самого, а кого-то над ним.

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни,
Спи, родимый, отдохни!
Мало дитятко ласкаю,
Темный полог опускаю,
Тихо песенку пою,
Зыбку зыбку качаю.
Баю-баюшки-баю!
Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Видишь?

Борис. Вижу.

Мельник. Сквозь меня?

Борис. Сквозь.

Мельник. Что видишь?

Борис. Воду в колесе. Месяц на воде играет.

Мельник.

Месяц на воде играй.
Филин плачь, ворон – грай!
Помогай! Помогай!
Ашарот, Шабаот,
Жар огня, сила вод,
Злачны травы по росе,
Брызги-жемчуг в колесе.
Помогайте все!
Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Углицкая церковь, звонница, пономарь бьет в набат, люди на площадь сбегаются... мертвый младенец лежит, горло перерезано...

Мельник.

Спи, мой батюшка, усни.
Спи родимый, отдохни!
Спишь?

Борис. Сплю.

Мельник. Что видишь?

Борис. Царский престол, я на нем... Нет, младенец зарезанный...

Мельник. Что слышишь?

Борис. Слаб, но могуч; убит, но жив, сам и не сам. (С тихим стоном). Что это, что это?..

Мельник (взяв его за плечи, трясая и дуя в лицо). Чур, чур, чур! Встань, проснись!

Борис (открывая глаза). Что это, что это, Господи? Что это было, колдун?

Мельник. А ты забыл?

Борис. Забыл.

Мельник. Я за тебя помню. Скажи царю Борису Феодоровичу: будешь во славе царствовать, осчастливишь Русь, как никто из царей. Но светел восход – темен закат. Мертвого бойся. Убит, но жив; слаб, но могуч; сам и не сам. Тени своей бойся, бойся тени, тени страшись!

Борис (тихо про себя). Что это значит?

Мельник. Не знаю. Может, царь знает.

Борис встает, шатаясь. Мельник ведет его к лестнице.

Борис (тихо про себя). Слаб, но могуч; убит, но жив. Сам и не сам. Что это значит? Что это значит?

4

Тю же лесной тропинкой, как давеча на мельницу, Борис и Семен едут обратно. Чуть светает. Птицы еще не проснулись. Ветер затих, и такая тишина в лесу, как будто все умерло. Кони стучают неслышно по мшистым колеям

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
тропы. Борис едет впереди, понурился голову и опустив поводья. Лицо его задумчиво; он все еще, как во сне.

Вдруг, на перекрестке двух тропинок, выходят из-за кустов, точно из земли вырастают в серой тени рассвета, две черные тени, Мисаил и Григорий. Конь Бориса шарахается в сторону, встает на дыбы. Всадник едва удержался в седле.

Семен (обнажив саблю и замахиваясь). Чтоб вас, окаянные! Прямо коням под ноги лезете!

Мисаил шмыгнул в кусты, как заяц. Григорий стоит, не двигаясь, и смотрит в лицо Бориса так же пристально-жадно, как давеча во время гадания, когда смотрел между бревнами в щель.

Борис (справившись с конем). Полно, Семен! Видишь, и сами перепугались. Вон чаща какая, не видно, кто идет, и конского шага во мху не слышно. Кто вы такие?

Мисаил сначала робко выглядывает, потом выходит из кустов.

Григорий. Чудовской обители братья.

Борис. Как звать?

Григорий. Это брат Мисаил, а я Григорий.

Борис. Откуда идете, куда?

Григорий. В Москву из Углича. В Угличе благословил нас о. игумен старых книг да хартий добывать старцу нашему о. Пимену.

Борис. А ему на что?

Григорий. Летопись пишет.

Борис (вглядываясь в лицо Григория). Где я тебя видел?

Григорий. Меня? Нет, боярин, ты меня нигде не видел.

Борис (вглядываясь пристальней). Чудно. Все, кажется, будто где-то видел. Ну, ступайте с Богом (вынув из мошны и кинув им два золотых). Свечку поставьте Владычице и помолитесь за грешного раба Бориса.

Григорий и Мисаил (низко кланяясь). Поддай тебе Господь, боярин, спаси Владычица!

Всадники скачут, скрываясь в лесу. Григорий долго смотрит им вслед. Лицо его так же сонно, так же неподвижен взор, как у Бориса давеча, когда он смотрел на воду под колесом. Может быть, и Григорий что-то видит.

III. Пимен

Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Отец Пимен пишет перед лампадой. Григорий спит.

Григорий (пробуждаясь).

Все тот же сон. Возможно ль? В третий раз.
А все старик перед лампадой пишет...

Пимен.

Проснулся, брат.

Григорий.

Благослови меня.
Честной отец.

Пимен.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во веки.

Григорий.

Ты все писал и сном не позабылся,
А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил...

Пимен.

Господь с тобой. Младая кровь играет,
Смирять себя молитвой и постом...
(продолжая писать)

Еще одно последнее сказанье
И летопись окончена моя.
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному.

Григорий.

Давно, честной отец,
Хотелось мне тебя спросить о смерти
Димитрия царевича; в то время
Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен.

Ох, помню,
Пришел я в ночь. На утро, в час обедни
Вдруг слышу звон; ударили в набат;
На улицу бегут, кричат, и я
Спешу туда ж – а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный младенец...
Укрывшихся злодеев захватили;
«Покайтесь», народ им загремел.
И в ужасе, под топором, убийцы
Покаялись – и назвали Бориса.

Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; он был бы твой ровесник,
И ныне царствовал... (Задумывается).

Григорий (после молчания).

Скажи, отец.
Московские злодеи, может статья,
Димитрия в лицо не знали ране:
Царевич ли зарезанный младенец?

Пимен.

Я и слышал народную молву:
Убили в Угличе попова сына,
Царевич же Господним чудом спасся...
Да мало ли, что люди говорят?

Оба погружаются в глубокую задумчивость.

Пимен.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою... Но уж звонят
К заутрене... Благослови Господь
Своих рабов. Подай костыль. Григорий.

Уходят. Через минуту Григорий возвращается.

Григорий (один).

Борис, Борис. Все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца.
Но не уйдешь ты от суда мирского.
Как не уйдешь от Божьего суда.
IV. Венчание Бориса на царство

Соборная площадь в Кремле, залитая ярким утренним солнцем. Прямо перед зрителем Успенский собор, справа Грановитая палата, слева Архангельский собор. Сверкают на солнце золотые купола, ослепительно белеют стены. Вся площадь запружена праздничной толпой. Звон колоколов, переливный гул голосов.

Григорий и Мисаил пробираются через толпу на площадь. Толстому Мисаилу трудно протиснуться за Григорием. Отстал, с кем-то переругиваясь, и затерялся в толпе. Но и Григорию не удается пробраться на площадь; он влезает на Кремлевскую стену, откуда ему будет видно все.

Внутри Успенского собора. Торжественная служба – венчание Бориса на царство. Когда толпа, под пенье молитв, опускается на колени, виден стоящий лицом к алтарю Борис, которому патриарх передает скипетр и державу.

Шуйский выходит на крыльцо Успенского собора и, обращаясь к толпе, говорит: «Да здравствует царь Борис Феодорович!» Народ восторженно отвечает: «Да здравствует!» раздаются звуки «Славы».

По обитому красным сукном помосту – от Успенского собора до Архангельского и от Архангельского до Красного Крыльца движется коронационная процессия. Впереди идет духовенство в полном облачении. Несут иконы, хоругви. За духовенством бояре, стрельцы, затем иностранные послы и гости. Наконец, показываются рынды. Рынды проходят. Появляется Борис, со скипетром и державой.

При появлении царя народ продолжает петь. Опускается на колени. Царь медленно и торжественно шествует, кланяясь на четыре стороны. Дойдя до середины помоста, он останавливается. Народ сразу замолкает. Наступает полная тишина.

Борис (про себя).

Скорбит душа. Какой-то страх невольный
Зловещим предчувствием сковал мне сердце.
О, праведник, о, мой отец державный,
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли ты мне священное
На власть благословенье.
Да буду благ и праведен, как ты,
Да в славе правлю свой народ.
(Обращаясь к боярам).

Поклонимся почившим властителям Руси.
А там – сзывать народ на пир,
Всех – от бояр, до нищего слепца,
Всем вольный вход, все гости дорогие.

Шествие под пение «Славы» снова трогается по направлению к Архангельскому собору. Григорий со стены жадно и пристально смотрит на царя. Борис, под

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
взглядом Григория, тоже обращает на него глаза. Взгляды встречаются. На
лице Бориса – мгновенная и непонятная тревога: опять этот монах. Кто он?
Григорий выдерживает взгляд Бориса и вдруг узнает в нем всадника, которого
видел на мельнице.

V. Кабак

1.

Улица перед слободским кабаком. Растоптанная, разъезженная, грязь, лошади,
телеги – пустые (едущих с базара), у крыльца всякий народ. Толпятся,
галдят, ругаются. Из кабака гам, дуденье, пьяные песни.

На улице появляются два чернеца с котомками за плечами, Григорий и Мисаил.
Осторожно обходя большую лужу, где на боку лежит, блаженно хрюкая, большой
черный боров, держат путь к крыльцу.

Неподалеку стоит небольшая толпа не то нищих, не то юродивых. Гнусят
какую-то песню, один подыгрывает на волынке. Вдруг песня прерывается,
раздается детский визг; огромный нищий, в рубахе с расстегнутым воротом,
принялся колотить мальчишку ихнего, – ходят такие, с нищими, поводыри.

Нищий. Ах ты, пострел тебя разрази! Цыть! Я-те повою!

Мальчишка продолжает визжать, захлебываясь. Кругом хохочут.

Мисаил. Да чего ты его колошматишь?

Нищий. А тебе что? Не твой, небось. Он с нами ходит, приبلудный, значит моя
воля: хочу с кашей ем, хочу с маслом пахтаю, а захочу совсем убью.

Григорий. Ишь, дурак. Брось, говорят тебе!

Мальчишка с помощью Григория вырывается из лап нищего и отбегает в сторону.
По лицу у него текут слезы и кровь, он, захлебываясь, визгливым голосом
кричит: «Черт ты, слепой, ишь. И все вы такие-то черти, душителю. Почем
зря, с кулаками! Да провались я, убегу от вас, чтоб вам, дьяволам, на том
свете...» Мужики хохочут. Издают поощрительные возгласы.

Мальчишка. Убегу, вот как Бог свят, убегу. На что они мне сдались,
окаянные. Приبلудный, так мне везде дорога. Вот с отцами пойду, со
странными.

Мисаил (в шутку, добродушно). Что ж, иди. Мы те не бить, наставлять будем.
Ишь, мальчонка-то какой шустрый! Как звать-то тебя?

Мальчишка (шмыгая носом). А Митькой. Возьмите, дяденьки... то бишь, отцы. Я
привычный. Не потеряюсь. А потеряюсь где, так найдусь.

Из кабака вываливается густая пьяная толпа, горланя песни. Кое-кто
приплясывает. Тут и бубны, и дуды, у одного скрипица.

Цибалды – шибалда.

Задуди моя дуда,
Гряньте бубны – бубенцы,
Разгулялась молодцы...

На погосте воз увяз.
А дьячок пустился в пляс
Хлюп. хлюп, хлюп!

А как поп с погоста шел,
Забодал его козел
В пуп, в пуп, в пуп!

Мисаил. Эко веселье. Доброе, видно, вино у хозяина! А у меня в горле с утра
пересохло. Идем, штоль, Григорий!

Пробираются в кабак. Митька, между ногами мужиков, сквозь толпу, незаметно
юркнул за ними.

2.

Внутренность шинкарни. Низкая, черная, просторная изба. По стенам лавки, в

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
углу стойка. Народу – труба непротолченная. Песни и музыка здесь еще громче. За стойкой – хозяин – толстый и красный мужик. Хозяйка тоже толстая, чернобровая, медлительная. В одном из углов сидят Григорий и Мисаил, пьют. Пьют они уже давно, Мисаил совсем пьян, да и Григорий, видно, навеселе. Народу всякого звания. Двое только что сплясали, утирают пот.

Мисаил. То-то любо. И я, бывало, плясал... Ну, спесивая, хозяйюшка, выходи на круг. Доброе винцо у тебя, и я, пожалуй. Господи благослови...

Гости. Старец-то, ишь как его с посту разобрало! Гляди, ноги не сдержат! Помоложе который, тот не рыпается! Сидит, как сыч! Эй, давайте сыча!

Мисаил (ударяя по столу ладонью). Сыча! Сыча! Ладная песня. Хошь и грех – подтягивать буду!

Пюот. «...Туру-туру петушок, ты далеко ль отошел? За море, за море, ко Киеву-граду, там дуб стоит развесистый, на дубу сыч сидит увесистый. Сыч глазом моргает, сыч песню поет, дзынь, дзынь, передзынь...» и т. д.

В это же время в другом углу кто-то наяривает на дуде свое. В третьем углу начинается пьяная драка. Хозяин выходит из-за стойки. Мисаил ловит его за полу.

Мисаил. Хозяин, а хозяин. Будь ласков, выставь еще косушечку! Мы люди странные, ходючи по Божьему делу притомились, а что при нас было, малая толика, все тебе выложили. Алтына больше нет. Господь Бог свидетель, а ты выстави косушечку на покаяние души.

Хозяин (грубо). Нет ни алтына, так и полезай с тына, давай место другим. Чего привязался? Хороши вы, странные, да еще монахи!

Мисаил. Мы не простые монахи, мы мудреные. Эй, хозяин, мы тебе отслужим!

Хозяин. Сказано, не дам. Потчевать вас! Не надобна твоя служба.

Мисаил. Как это не надобна? Ну, хочешь, я спляшу? А то расскажу, чего мы перевидали, что и во сне никому не приснится...

Один из гостей. Ишь ты, во сне не приснится!

Григорий. Тебе., может, коза рогатая снится, а вот я так сон видел, трижды кряду, сон этот на духу рассказать, и то страшно!

Один соседний гость, неизвестного звания (подсаживаясь ближе). А ты расскажи!

Григорий. Пойдем прочь, отец мисаил! Что нам тут с ними, с холопами, растабарывать! Ныне, сам знаешь, как вышла отмена Юрьеву дню[10], все на Руси холопами стали!

Ближний сосед, мужик. Да нешь мы тому, отец, рады? Мы по Юрьеву дню во как плачем! Нонче думаешь ничего, а глядь, и не знай как, уж холоп стал.

Человек неизвестного звания (около Григория). Плакальщики тоже объявились. Вы, отцы святые, дурней не слушайте. Вы и вправду, как я замечаю, Божьи люди. А коли гребтится с устатку еще по чарочке выкушать, так ин быть так, я угощаю. Ставь хозяин, в мою голову.

Хозяин удаляется за стойку. Приносит вино.

Мисаил в восторге. Вот люблю! Вот добрый человек, благослови тебя Господи. Таких и по Москве мы не встречивали.

Человек неизвестного звания. К странникам Божьим у меня сердце лежит. А вы, сами говорите, монахи не простые. Понасмотрелись на белый свет. И во сне-то вам видится, чего неведомо. (К Григорию). Скажи, отец, какой такой страшный

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
сон тебе был?

Григорий (пьет). Сон-то... на духу только скажу. И то, может, не скажу.

Мисаил (пьет). Эх, доброе вино! Никогда, кажись, такого не пито! А ты, Григорий, что там на духу, мы во всякий час перед лицом Божьим. Ты уважь доброго человека. поведай, чего такое тебе привиделось.

Григорий (глядя прямо перед собой). Трижды... три ночи подряд... после молитвы... видел я сей сон.

Мисаил. Молитва бесовские мечтанья отгоняет, благие снятся сны.

Григорий (все так же, как будто про себя). Мне виделась лестница великая, крутая. Все круче шли высокие ступени, и я все выше шел. Внизу народ на площади кипел. Мне виделась Москва, что муравейник...

Человек неизвестного звания (внимательно). Ты говоришь. Москва?

Григорий. На самой высоте – престол царей московских. И я – на нем. Вокруг стрельцы, бояре... а Патриарх мне крест для целования подносит...

Человек неизвестного звания (прерывая). Вот как!

Григорий.... И я вот крест целую с великой клятвой, что на моем царстве невинной крови не прольется, холопей, нищих не будет вовсе. Отцом я буду моему народу... (взявшись за воротник рубашки). И эту последнюю я разделю. Со всеми!

Человек неизвестного звания. Постой! Постой!

В это время ближний народ сгрудился вокруг, жадно прислушиваясь В дальнем углу, другие, наяривают плясовую «Эй, жги, говори, подговаривай! Ходи изба, ходи печь, хозяину негде лечь!» Ее медленно заглушает песня юродивых у дверей: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная!»...

Григорий, как бы не видя и не слыша ничего вокруг себя, продолжает.

Григорий.... довольно Руси по-волчьи выть, довольно в кабаке слезами обливаться, да от судей неправедных бегать! Не казнями и не суровостью я буду царствовать, а милосердием и щедростью.

Человек неизвестного звания. Ай да ловко. Стой. Значит на Москве царем себя видел?

Григорий. Великим и державным. И трижды сряду, три ночи, чуть глаза закрою, все тот же сон.

Человек неизвестного звания (вскакивая). Эй, люди! (Хлопает в ладоши). Сюда, ко мне! Хватай чернеца этого. Негожие речи его, хула на государя Бориса Феодоровича. Измена! Крутите его крепче!

Подбежавшие стрельцы скручивают Григория. Общее смятение, отдельные возгласы, песни умолкают. Слышится: «Ярыжка!» «Ах он, дьявол, подсоседелся, и ничто ему!» «Покою от них ныне нету!»

Ярыжка (указывая на Мисаила). И этого прихватите толстопузого. Впрямь, не простые они монахи!

Мисаил. Батюшка! Отец милостивый! А меня за что? Я ни сном, ни духом! Я три ночи подряд не спал, не то что сонные видения какие. Да у меня отродясь их не было! Какой я царь на Москве? Видано ли дело? Смилуйся, батюшка! Видит бог...

Ярыжка. Ладно, ладно, там разберут, какой ты царь. Под клещами и патриархом признаешься, покаешься Богу, монах проклятый! Тащите их!

Мисаила вяжут и тащат обоих к дверям под глухой гул толпы. Какая-то баба причитает: «Мучители окаянные! И старца-то Божьего не оставят! Пришли, знать, последние времена!» Другая: «Зачем, слышь, три ночи вряд проспали. Приказ новый, мол, вышел. Пропала наша головушка!» «Мучитель и есть!»

Из-под стола, где сидели Григорий и Мисаил, вылез на карачках мальчонка, незаметно проюркнул в толпе, тихонько жметя к Мисаилу, у дверей.

Мисаил (не перестает стонать, молить, беспорядочно охать. Заметив мальчишку, умолкает и тихо ему). Ты чего, постреленок! Уноси ноги, пока цел!

Митька (тоже тихо). Ништо, батька, я за вами. Небось не пропаду! А и важно он говорил? Лестница-то кру-тая-рас-крутая...

Связанных уводят, среди движения и гула толпы.

VI. Прием послов

Престольная палата. Трубы и дворцовые колокола. Рынды[11] входят и становятся у престола; потом бояре, потом стряпчие, потом ближние бояре, потом сам царь Борис в полном облачении с державой и скипетром. За ним царевич Феодор.[12] Борис садится за престол. Феодор садится по его правую руку. Подходит Воейков.[13] Опускается на колени.

Воейков.

Великий царь. Враги твои разбиты.
Сибирь, покорная твоей державе,
Тебе навек всецело бьет челом.

Борис.

Благая весть. Встань, воевода тарский.
И цепь сию, в знак милости, прими.

Снимает с себя цепь и надевает на Воейкова. Подходит Салтыков.[14]

Салтыков.

Царь государь. Послы и нунций папы
Ждут позволения милости твоей
На царствие здоровать.

Борис.

Пусть войдут.

Трубный шум и литавры. Входят послы с папским нунцием Рангони[15] во главе, предшествуемые стольниками. Подходят к престолу; стольники раздаются направо и налево.

Салтыков.

Рангони, нунций папы.

Рангони.

Великий царь всея земли московской.
Святой отец Климент тебе свое
Апостольское шлет благословенье
И здравствует на царстве. Если ж ты,
Как он, о царь, скорбишь о разделеньи
Родных церквей – он через нас готов

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Войти с твоим священством в соглашение.
Да прекратится распря прежних лет
И будет вновь единый пастырь стаду
Единому.

Борис.

Святейшего Климента
Благодарю. Мы чтим венчанных римских
Епископов и воздаем усердно
им долг и честь. Но Господу Христу
мы на земле наместника не знаем.
Когда святой отец ревнует к вере,
да согласит владык он христианских
Идти собща на турецкого султана,
О вере братии наших свободить,
То сблизит нас усердием единым
К единому кресту. О соединеньи ж
Родных церквей мы молимся все дни.
Когда святую слышим литургию.

Рангони отходит.

Салтыков.

Посол литовский, канцлер Лев Сапега. [16]

Аппарат следует за Рангони, который пробирается сквозь пышную толпу. В дальнем конце палаты Шуйский и Воротынский тихо беседуют. Рангони становится так, что они его не замечают, но он все слышит.

Воротынский. Грамоты литовские читал? В Кракове все уж говорят, что сын попов убит, а не царевич. Жив де он, и объявится.

Шуйский. Брешут ляхи, кто им поверит? Да и нам до Литвы далече. Вот, кабы здесь, на Москве...

Воротынский. Ну, а кабы здесь, можно бы за дельце взяться, можно бы, а?

Шуйский. Что гадать впустую.

Воротынский. Не впустую. Сказывал наместнику крестовый дьяк Ефимьев: двух чернецов забрали в шинке. Один говорил: он де спасенный царевич Димитрий, и скоро объявится, будет царем на Москве.

Шуйский. Мало ли что люди с пьяных глаз по кабакам болтают.

Лицо Рангони. Он слушает сперва рассеянно, потом все с большим вниманием. При последних словах Воротынского он – весь слух.

Шуйский. Где они сидят?

Воротынский. В яме на патриаршем дворе.

Шуйский. Знает царь?

Воротынский. Нет... Слушай, Иваныч, хочешь. Велю их прислать? Чем черт не шутит?

Шуйский. Погоди, дай подумать. Так сразу нельзя. Да и не время сейчас об этом. Пойдем.

Хотят идти. К ним подходит Рангони.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Рангони. Простите, бояре. На два слова. (Отводит их немного в сторону).
Пишут мне из Литвы, да и здесь говорят, будто жив царевич Димитрий.
Странный слух, не правда ли?

Шуйский. Мы ничего не слышали.

Рангони. А верно обрадовался бы царь, узнав, что царевич жив. (Пристально смотрит на Шуйского). Так знайте же, бояре, если слух тот верен и его Высочеству грозила бы опасность – мало ли, что может случиться. Святейший отец примет под свою защиту московских царей законного наследника. В этом вам моя порука. В Литве немало у нас монастырей, где он найдет приют и безопасность.

Шуйский и Воротынский стоят, не зная, что ответить. Но, не дожидаясь их ответа, Рангони уходит.

Шуйский. Все подслушал иезуит проклятый. Пойдем скорее.

Воротынский. Как знать. Может, и к счастью.

Пробираются сквозь толпу, ближе к престолу. Аппарат следует за ними.

Видно, как Борис отпускает послов. Около престола царица и царевна.[17]

Борис (сходя с престола).

Царица и царевна, ты, Феодор,
Моих гостей идите угощать.
Вино и мед, чтобы лились реками.
Идите все – я следую за вами.
(замечая Шуйского).

С объезда ты заехал, князь Василий.
Что молвят? Все ль довольны?

Шуйский.

Кому ж не быть довольным, государь.
На перекрестках мед и брага льются,
Все войско ты осыпал серебром.
Кому ж не быть довольным. Только, царь,
Не знаю, как тебе и доложить.
На Балчуге двух смердов захватили.
Во кружечном дворе. Они тебя
Перед толпой негодными словами
Осмелились поносить.

Борис.

Что сделала толпа?

Шуйский.

Накинулась на них; чуть-чуть на ключья
Не разнесла; стрельцы едва отбили.

Борис.

Где ж эти люди?

Шуйский.

Вкинута пока
Обои в яму.

Борис.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Выпустить обоих.

Шуйский.

Помилуй, царь.

Борис.

Не трогать никого.
Не страхом я – любовь хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силен довольно,
Чтоб не бояться милостивым быть.
Вернитесь к народу, поведите
Прощенье всем – не только кто словами
Меня язвил, но кто виновен делом
Передо мной, хотя б он умышлял
На жизнь мою или мое здоровье.

Шуйский, кланяясь, уходит. Воротынский за ним. Борис остается один.

Борис.

Надеждой сердце полнится мое,
Спокойное доверие и бодрость
Вошли в него. Разорвана отныне
С прошедшим связь. Пережита пора
Кромешной тьмы – сияет солнце снова
И держит скипетр для правды и добра
Лишь царь Борис – нет боле Годунова.

Шуйский и Воротынский спускаются по лестнице из Грановитой Палаты. Садятся на коней. Разъезжаются в разные стороны.

VII. В бане у Шуйского

Баня в усадьбе Шуйского в Москве.

Маленький, плюгавый старичок, дохлый, как мерзлый цыпленок. Сморщенный, как старый гриб, с острым носиком, с пронзительно-острыми глазками и жидкой козлиной бородкой, – князь Василий Иванович Шуйский, – только что отпарившись и накинув по голому телу легкую, травчатой тафты, распашонку, отдыхает в предбаннике. Сидя за столом, попивает из хрустальной, запотелой енды холодной, прямо со льда, малиновый мед и посасывает вставленный в перстень, целебный камень безоар, прозрачно-зеленый с золотыми искрами, словно кошачий глаз.

Вдруг открывается настежь двойная обитая наглухо войлоком дверь в баню. Клубом валит пар, и видно сквозь него, как два боярина, Мстиславский и Репнин, лежа на полках, парятся. Банщики, два калмыка с плоскими рожками, льют воду из шаек на раскаленную каменку. Вода шипит, пар клубится белым облаком, и парящиеся в нем возлежат, как блаженные боги. Банщики мочат березовые веники в мятном квасу и хлещут ими по голым телам. Облако порой сгущается так, что ничего не видно; слышно только хлопанье, шлепанье, а порой сквозь редящий пар мелькают голые тела.

Длинный, сухощавый, жилистый, с рыжей бородой и рыжими по веснушчатому телу волосами, Репнин, корчась от наслаждения караморой, повелительно-грозно покрикивает:

– Пару-то, пару поддай! Лей не желей! Что стали, черти? Убью!

Жирный, мягкий, белый, как баба, Мстиславский, молит жалобно:

– Батюшки, светики, отцы родные, век не забуду, детушки, озолочу!
Веничка-то, веничка свежего! Жги, жги, хлещи, – вот так, вот так, вот тут еще! Любо, любо, ох-ох-хошеньки! –

воркует он голубем, хрюкает боровом, и все его мягкое, белое тело трясется, ходит ходуном, как студень.

Третий боярин, Воротынский, тоже дородный, но в меру, статный, еще не старый, с черной густой бородой и с умными живыми глазами, выскочив из бани, весь красный, как рак, голый, только полотенцем опоясанный, другим – вытирает с лица градом катящий пот.

Воротынский. Лихи наши бояре париться! Видно, об заклад побились, кто кого перепарит. Молодцы! А я не стерпел (выпив ковш меда, отдуваясь и хлопая себя ладонью по животу), уф, давненько я не паривался так. Ну спасибо, князенька, уважил. Славная у тебя банька, царская!

Шуйский (продолжая сосать). Да, ничего себе банька, живет!

Воротынский (повалившись на низкую, широкую с персидскими коврами и пуховыми подушками, скамью). Эх, жаль, не зима, вот бы когда на снежку поваляться! (Закрыв глаза, как в блаженном видении). Прыг с полки, да, благослови Господи, в сугроб; покатался, повалялся, и опять в пар – жги, поддавай, да веничком березовым, с мятой, свежий дух, что в лесу, – рай! Да эдак разов пять... Эх, любо. Так тебя всего разберет, такая истома польется по всем жилкам – суставчикам, что молочко польется теплое, унежит, истомит, – и бабы на постель не надо!

Шуйский. Что бабы? С ними только грех, души погибель вечная, а банька дело святое. По писанию: «Омойтесь банею водною во глаголе».[18]

Воротынский (открывая глаза). А ты все, Иваныч, сосешь?

Шуйский. Сосу, батюшка, сосу!

Воротынский. Камень безоар?

Шуйский. Он самый.

Воротынский. От яда пользует?

Шуйский. От яда и от всякого недуга чревного. Царь Иван – упокой Господи душеньку его – с собственной ручки пожаловал, папа римский ему с дарами прислал, а папе – царь эфиопский. Камень тот у птицы Строфил[19] во чреве живет, и бегают та птица по великим пескам так борзо, что на коне едва угонишь. Камешком тем от многих ядов царь Иван отсосался.

Воротынский. И ты яду боишься?

Шуйский. Знаешь сам, сколько у Шуйских приятелей. Неровен час, и подсыплют.

Воротынский. Кушать на Верху опять изволил?

Шуйский. Как быть? Ласков ко мне царь, все столом жалует. А стрепня-то на Верху жирная. Подали вчера оладушек инбирных в меду. А царь все потчует: «Ешь, Иваныч, ешь, не обессудь!» Ну, от царской хлеба-соли не откажешься. С этих-то самых оладушек, чай, все меня и мутит, изжога да резь. Банька, думал, поможет, – нет, не легче. Вот и отсасываюсь.

Воротынский встает, подходит к Шуйскому, присаживается и говорит ему на ухо.

Воротынский. Ой, берегись, князенька, так тебя Татрин[20] употчует, что и ноги протянешь.

Шуйский (указывая глазами на дверь). Ш-ш-ш...

Воротынский. Э, полно, Иваныч, банщики твои, рожи калмыцкие, только и знают, что «пар» да «веник». А те двое бояр, небось, люди надежные. Да и сам ты в баньке любишь советовать; в пару-де, что на духу, все нагишом, как перед Богом!

Шуйский. Так-то так, да и бревна в стенах слышат...

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
Воротынский (подойдя к двери, прислушавшись и притворив ее плотнее). Им не до нас. Ишь, хлюпают, сердечные! Как бы не запарились до смерти. (Вернувшись на прежнее место). Слушай, Василий Иванович. Знает царь Борис: как род Иоаннов пресекался, не Годуновы, Малютина челядь, Ордынские выскочки, а вы, Шуйские – благоверных царей наследники, понеже Рюрика святая кровь в жилах ваших течет. Рано ли, поздно ли, а быть царем на Москве Василию Шуйскому! Вот он к тебе и ластится, змей. Спит и видит, как бы тебя извести. Да позднечко хватился: сам-то словно крыса отравленная ходит. Имя царевича Димитрия услышит – так и вскинется весь, потемнеет в лице, глаза куда девать, не знает. Вот я на него, пуще всякого зелья!

Шуйский (задумчиво). Нет, крепок, ништо ему, отдышится!

Воротынский. Крепко яблочко, пока червяк внутри не завелся. Коли имени одного боится, что будет, как явится сам?

Шуйский. Мертвые из гроба не встают...

Воротынский. В судный день встанут и мертвые! А Борисов день близок. Грамоты литовские читал? В Кракове все уж говорят, что сын попов убит в Угличе, а не царевич, жив де он и объявится.

Шуйский. Брешут ляхи, кто им поверит? Да и нам до Литвы далече. Вот кабы здесь, на Москве...

Воротынский. Ну. а кабы здесь, можно бы за дельце взяться, можно бы, а?

Шуйский. Что гадать впустую...

Воротынский. Не впустую. Сказывал наемни крестовый дьяк Ефимьев: двух чернецов забрали в шинке; один говорил: он-де спасенный царевич Димитрий, и скоро объявится, будет царем на Москве.

Шуйский. Мало ли, что люди с пьяных глаз по кабакам болтают. Вырвут им языки, плетью отдерут, и дело с концом.

Воротынский. Воля твоя, Иванович, только смотри, может, счастья Бог тебе посылает, а ты брезгаешь...

Шуйский. Коли от дураков счастье?

Воротынский. Эх, батюшка. Русь-то вся на дураках стоит! Ну, один-то чернец и впрямь дурак, забулдыга, пьянчужка, а другой – паренек вострый, и жития постного, от роду вина в рот не брал, да видно бес попутал. От него польза может быть.

Шуйский. Ты-то сам их видел?

Воротынский. Нет, Ефимьев сказывал.

Шуйский. Знает царь?

Воротынский. Не знает, еще и не пытали, как следует. Слушай-ка, Иванович, хочешь, велю их прислать? Чем черт не шутит? Ну-ка, пощупай!

Шуйский, глубоко задумавшись, наливает ковш меда, медленно подносит ко рту и, не выпив, ставит обратно на стол.

Воротынский. Ну, так как же, отец, прислать?

Шуйский. Пришли, пожалуй. Ин быть по-твоему: чем черт не шутит!

Воротынский (встает, наклоняется и благоговейно, как святую икону, целует Шуйского в лысину). Премудрость! (Указав на флягу). Это что?

Шуйский. Клубничная.

Воротынский (налив две чарки и подавая одну Шуйскому). Ну-ка, батюшка, выкушай, полно камень сосать! (Крестится). Благослови, Господи! За здравие

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org и благодарственное житие царя Василия Ивановича Шуйского! (Выпив чарку до дна одним духом и грозя кулаком). А ты, Борис Федорович, коли этого зелья хлебнешь, никаким безоаром не отсосеешься!

Дверь в баню открывается, и оттуда выскакивают, голые, красные, как ошпаренные, Мстиславский и Репнин. Клубом валит пар, сгущается в белое облако, и мелькают в нем золотые маковки церквей, зубчатые стены Кремля, терема, хоромы.

VIII. Допрос

Утренний луч солнца, сквозь круглые, в свинцовом переплете, грани оконной слюды, попадает на обитую голландской кожей стену, захватывая лысину Шуйского. Он сидит за столом, что-то пишет.

В дверь постучали. Вошел дьяк Ефимьев, поклонился в пояс.

- По твоему, боярин, приказу, двух с Патриаршего двора колодников привели.
- Ладно, веди их сюда, – сказал Шуйский, не отрываясь от письма.
- Обоих?
- Нет, одного, молодого.

Два стрельца с обнаженными саблями ввели Григория. Руки у него были связаны, на ногах кандалы.

По знаку Шуйского кандалы сняли, развязали и руки. Стрельцам было ведено выйти. Шуйский подошел к двери. Запер ее поплотнее и вернулся на прежнее место. Несколько времени они молча смотрели друг на друга. – Григорий – на пороге. Шуйский за столом.

– Подойди

Григорий сделал два-три шага. остановился.

- Ближе, ближе. Кто ты таков?
- Чудовской обители инок Григорий.
- Роду какого?
- Галицких детей боярских Смирных-Отрепьевых.
- Живы отец-мать? [21]
- Померли.
- Есть родня?
- Был дядя, тоже помер. [22]
- Значит, сирота?
- Кроме Бога, никого.
- Зачем в монахи пошел?
- Душу спасти.

Помолчали. Шуйский заговорил.

– Слушай, Григорий, мне тебя жаль. Чудовский о. игумен пишет, что был-де ты всегда жития доброго, что ж это тебе попритчилось? Как тебе в ум вступило, будто ты – царь на Москве?

– Сам не знаю, – глухо проговорил Григорий. – Морок бесовский. Чай и от вина. Отродясь не пил. А как первую чарку выпил, ума исступил, что говорил – не помню.

Шуйский поглядел на него ласково, покачал головой.

– Ну-ка, вспомни... Было тебе какое виденье?.. Эх, дурачок! Аль не видишь, что я тебе добра желаю? Может, и вызволю. Только все говори, запрешься – прямо отсюда в застенки. Там тебе язык-то сразу не вырвут, а сначала плетьюми, да каленым железом развяжут. Так уж лучше добром, Ну-ка, сказывай, было видение?

– Было, – вымолвил Григорий.

– Какое?

– Лестница, будто крутая... и я по ней всхожу. Все выше, да выше, а внизу Москва... народ на площади... Я как сорвался, да полетел – и проснулся.

– А лестница куда?

– На... на башню.

– Ой ли? Не на престол ли царский?

– Да, будто и на престол.

– А на нем ты?

– Я.

Опять молчание.

– А что царевич Димитрий, может, жив, – начал Шуйский, – что другого младенца зарезали, – слышал о том?

– Слышал.

– И верил?

– Коли верил, коли нет.

– А теперь?

Григорий бегло, исподлобья взглянул на Шуйского. Проговорил медленно:

– Теперь как скажешь, так и поверю.

– Ишь какой прыткий, – засмеялся боярин. – Хочешь на меня взвалить? А, может, и я... коли верю, коли нет...

Впился в него долгим взором. Молчал. Такая тишина в покое, что слышно было, как муха жужжит, бьется на оконной слюде.

Шуйский поднялся. Подошел к Григорию, взял его за руку, подвел к окну. Лицом к самому свету повернул, вглядывался, даже рукой по волосам провел, и зашептал тихо, будто про себя: «Жесткие, курчавые, рыжие, с подрусиной, очи голубые, в прозелень, да чуть-чуть с косиной, и на щеке бородавка, точка в точку. Что за диво! Ну-т-ка, ворот раскрой маленько!»

Григорий отшатнулся, прижал руку к вороту, но Шуйский отвел руку, откинул ворот и ахнул.

– Родинка! Родинка! На том самом месте, как раз! Что ты, что ты на меня так смотришь? Что дрожишь?..

Григорий и впрямь дрожал. Шуйский, отступив на шаг, не сводил с него взора.

– Кто ты таков?.. Кто ты таков? Откуда взялся? Али и впрямь...

Снова подошел ближе, совсем близко, лицом к лицу, руки на плечи положил и чуть слышным шепотом: «Димитрий Иванович, Димитрий Иванович. – ты?»

Григорий, с широко открытыми глазами, сделал шаг назад, пошатнулся, хотел

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org схватиться за стол, но вдруг, с тихим стоном, опустился на пол без чувств. Шуйский поглядел на него с брезгливой усмешкой: «Эх, баба! Ну куда такому в цари?»

Пошел, однако, к поставцу, налил из кувшина квасу в ковш. Отхлебнув, стал прыскать в лицо Григорию, мочить виски. Григорий открыл глаза.

– Пей, пей, – поднес ему Шуйский ковш ко рту, приподнимая голову. – Да чтой-то опять с тобой содеялось? Часто ли так? Уж не падучая ли, оборони Боже, как у... того? Ножичком-то, слышь, играючи, младенец в падучей зарезался...

Григорий сидел теперь на полу и, закрыв руками лицо, всхлипывая, повторял: «Ох, не могу... Не мучай меня. Христа ради, отпусти... Лучше в застенки, каленым железом, чем так...»

– Что ты, что ты, сынок... – хлопотал вокруг него Шуйский. – Все ладно, отпущу сейчас. Ну-ка встань, дай помогу, вот так. Отдохни.

Он хотел, было, усадить его, но Григорий, совсем очнувшись, провел рукой по лицу и проговорил твердо:

– Ты прости, боярин. Я, кажись...

– Ништо, ништо, родной. – прервал Шуйский. – Все ладно, отпущу сейчас, только вот допишу...

Быстро дописал письмо, запечатал.

– Грамотку отдай отцу игумену. Небось, никто тебя не тронет. Три денька поживи в обители, а я погадаю, подумаю: может, совсем отпущу, а, может, опять позову...

Вдруг сдвинул брови и другим, изменившимся голосом. строго приказал:

– Только смотри у меня, смиренно седи, ни шагу никуда из кельи, три дня! Слышишь? Понял?

– Понял.

Шуйский подошел к двери и кликнул Ефимьева.

– Инок честного Григория в Чудов отвези и сдай отцу игумену с рук на руки. Инок сей честной неповинен ни в чем, злые люди поклеп на него взвели. Смотри же, чтоб никто ему обиды не чинил. Ты мне за него головой отвечаешь.

– Слушаю. А с другим как же?

Шуйский немного подумал.

– И того отпусти, – решил он. – Ну, ступайте с Богом.

Григорий, поклонившись боярину в землю, собирался выйти, когда тот остановил его.

– Стой, погоди.

Отвел Григория в сторону, обнял, поцеловал в голову, перекрестил: «Храни тебя Господь!» А на ухо, шепотом, прибавил:

– Верись, что Богу все возможно?

– Верю, – прошептал и Григорий.

– То-то, верь. Как знать, сон-то, может, и в руку. Чем черт не шутит. Ну, с Богом, ступай, Гришенька-Митенька...

IX. Бегство из монастыря

Келья в Чудовом монастыре. Спят: Григорий на подможенных досках, Мисаил на постелюшке, на полу. Мисаил громко храпит. В окошечке чуть брезжит первый

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org расцвет. Григорий вдруг вскидывается, садится на постели, прислушивается. Тишина, только иногда далекие сторожевые крики. Григорий ложится опять, но тотчас совсем вскакивает, откидывает изголовье. Вся сцена идет громким и чрезвычайно быстрым темпом.

Григорий. Отец Мисаил! Отец Мисаил!

Так как Мисаил не просыпается, он толкает его в бок.

Мисаил. Чего? Чего? Святители, угодники! Ни в чем я неповинен!

Григорий. Да проснись, отец, я это! Кто в келью входил, ты видел?

Мисаил (протирая глаза). Свят, свят, свят! Никого не было. Кому в обители быть?

Григорий. А узел-то у меня под головой откуда взялся? Ты, что ли, положил?

Мисаил. Какой узел? Царица Небесная, и то узел! А в узле-то что?

Григорий. А я почему знаю? Подкинута что-то.

Мисаил. Ты погляди. Мне чего страшиться, не мне подкинута.

Григорий (с опаской развязывая узел). Платье мирское... кафтан... Отец Мисаил, мешок. А в мешке-то казна!

Мисаил (машет руками). Зачурай, зачурай! Искушение велие! Нечистая сила это строит под тебя! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Перекрестил мешок? Ну, что? Что оно? Угольками, небось, скинулось? Али чем похуже?

Григорий. Нет, деньга звенит. Золотые. Да постой, тут еще грамота.

Подходит к окошечку, где уже стало чуть светлее, и читает, наклонясь, про себя, пока Мисаил, торопливо шепча молитвы и крестясь, осматривает и трясет мешок.

Григорий (читает тихо). «Наказ... Царевичу Димитрию... уходить тайно в Литву...» «а там будут ему в помощь верные люди... а с уходом сим чтобы не медлить...» (Останавливается). Вот оно что.

Мисаил. Да говори, сказано-то как в грамоте?

Григорий. Никак это... уходить мне. А то плохо будет.

Мисаил. Мать Пресвятая Богородица. Утекли мы единожды от злодеев, так опять они на нас, яко львы. Уходить так уходить, я готов, не сборы собирать, нагрянут еще нечестивые.

Григорий (быстро что-то собираясь, пряча в мешок). А ты-то куда? Про тебя ничего не сказано.

Мисаил (тоже что-то собирает). Как куда? А я и не думаю, куда ты, туда и я. Вместе были в узилище кинуты, и чудесному избавлению вместе подверглись, так теперь, как ты с казной утечешь, мне что одному оставаться, ответ держать? Я уж с тобой, брат Григорий, туда ли, сюда ли, только вон из блата сего смрадного, от ищущих поглотити ны.

Григорий (уже совсем готов). Ну ин тащись, отче, да поторапливайся, уйдем, пока братия не поднялась. Уж свет, к заутрени, гляди, ударят.

Мисаил. Мы тишком, молчком, по стеночке. Как мухи пролетим. Мальчонка бы до ворот не привязался, востроглазый. Митька этот. Как смола прилип, где не можно – вокруг околачивается, теперь чуть и в обители-то прививает.

Григорий. Что ж, он не помеха. К пути же привычный.

Мисаил. Я и говорю. Да и грех младенца отгонять. Шустрый такой, поможливый. Иди, Григорий, смотри, дверь бы не скрипнула. Ну, Господи благослови. Заступница Казанская. Пресвятая Матерь Божия и все святые угодники...

Тихо выходят. В светлеющих заревых сумерках, крадутся по монастырским переходам. Вот они в ограде. Кое-где уже ударили дальние колокола. Когда чернецы подходят к воротам, ударяет, густо, и чудовский колокол к заутрени. Тут откуда-то выкатывается взъерошенный Митька. Деловито, знаками, показывает, что калитка в воротах отомкнута. Привратник отлучился, на одну минутку: надо спешить. Оглядываясь, путники пробираются к воротам и благополучно выскальзывают за калитку, все трое: Митька, конечно, не отстал, да и не отстанет.

Москва гудит колокольным звоном.

Х. Корчма

Корчма на литовской Границе. Григорий мирянином. Мисаил в виде бродяги-чернеца. Хозяйка подает на стол.

Григорий (хозяйке). Это куда дорога?

Хозяйка. В Литву, кормилец, к Луевым горам.

Григорий. А далече до Луевых гор?

Хозяйка. Недалече, к вечеру бы можно туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые пристава.

Григорий. Как заставы?

Хозяйка. Да бежал кто-то из Москвы, Господь его ведает, вор ли, разбойник, только всех ведено задерживать да осматривать. А что им из того будет. Будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога. Вот хоть отсюда свороти влево, да бором до часовни, а там уж тебе и Луевы горы. (Смотрит в окно). Вон, кажись, скачут. Ах, проклятые.

Григорий. Хозяйка, нет ли в избе другого угла?

Хозяйка. Нету, родимый, рада бы сама спрятаться...

Мисаил вдруг беспокойно и спешно спохватился, запахивает подрясник, стягивает пояс на животе, озирается по сторонам и лезет тщетно на полати, но срывается; замечает вдруг большую кадку за дверьми, переваливается животом и скрывается за ней. Григорий молча сидит у окна. Входят пристава.

Пристав. Здорово, хозяйка.

Хозяйка. Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Пристав. Э, да тут угощенье идет. (Григорию). Ты что за человек?

Григорий. Из пригорода, в ближнем селе был, теперь иду восвосяи.

Пристав. Хозяйка, выставь-ка еще вина. Мы здесь попьем, да побеседуем.

Садятся за стол. Хозяйка приносит вино. Пьют. Один из приставов важно осматривает Григория.

1 Пристав (другому). Алеха, при тебе ли царский указ?

2 Пристав. При мне.

1 Пристав. Подай сюда.

Григорий. Какой указ?

1 Пристав. А такой: из Москвы бежал некоторый злой еретик. Слышал ты это?

Григорий. Не слышал.

Пристав. Не слышал? Ладно. Приказал царь всех прохожих осматривать, чтоб того беглого еретика изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Григорий. Не знаю.

Пристав. Умеешь читать?

Григорий. Умею.

Пристав. Ну так вот тебе царский указ.

Григорий. На что мне его?

Пристав. А читай, коли умеешь. Вслух читай.

Григорий (читает). «Чудова монастыря недостойный чернец Григорий впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам сказалось: отбежал он, окаянный Гришка, к литовской границе...»

Пристав. Ну вот.

Григорий (продолжает). «А лет ему, вору Гришке, от роду... (останавливается) за 50, а росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое».

Пристав. Стой, стой. Что-то нам не так было сказано.

2 Пристав. Да помнится, сказано было лет ему 20. А волосы рыжие, глаза голубые...

1 Пристав. А ты, что же читаешь нам? Забава тебе, что ли? Лоб плешивый, борода седая? (Шепчет про себя). Волос рыжий, глаза голубые... (всматривается в Григория). Да это, друг, уж не ты ли?

Григорий вдруг выхватывает из-за пазухи кинжал. Пристава отступают, он бросается в окно.

Пристав. Держи. Держи.

Оба бегут к двери. Распахнув дверь, опрокидывают кадку. Оттуда вываливается белая громадная туша.

Туша (истощным голосом). Да воскреснет Бог и расточатся врази его. Да бегут от лица Его все ненавидящие Его...

Пристава (сначала остолбеневшие, беспорядочно кричат, набросившись на Мисаила, который валяется на полу). «Да вот он, еретик-то». «Гришка!» «Да кто ты, прах тебя возьми?» «Да тот-то где, Гришка-то?»

Один пристав выбежал за дверь, кричит оттуда: «Алеха! Алеха! Сюды иди, лови этого. Брось ты черта седого».

Оставленный Мисаил подымается с полу. Кидается с размаху в окно. Не может пролезть, ругается. Хозяйка сзади помогает. Наконец его просовывает. Слышно, как он шлепнулся за окном, оханье, потом бегущие шаги. Некоторое время в избе только плачущая и крестящаяся хозяйка. Потом опять вбегают пристава. Накидываются на хозяйку. Кричат наперерыв: «Как провалился. Да и коней, коней нет, коней увел. А этот-то где? Гришка-то? Да какой он Гришка?»

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
А чего он в муку залез, коль не Гришка? Ты куда монаха-то дела?» и т. д., и т. д.

Хозяйка на все отвечает плача, что знать ничего не знает и ведать не ведает.

Пристава набрасываются друг на друга в полной растерянности.

В это время по лесной дороге скачет Григорий. Он далеко впереди. На втором коне – Мисаил, распластавшись, держась за гриву, весь еще в муке. Григорий скачет. Мелькнула часовня на Чеканском ручье. Дальше. Все на некотором расстоянии несутся кони. Наконец они почти вместе.

А вот и Луевы горы. Литва.

XI. Письмо нунция

Палата с низкими сводами, с византийской росписью по стенам. Но на этой росписи, на главной стене, – большое католическое Распятие черного дерева с Христом из слоновой кости. Стол под ним покрыт темно-фиолетовым бархатом; на нем высокие католические светильники, священные сосуды, чаши, дароносицы, остензории и т. д. вокруг служки в белых кружевных накидках с серебряными колокольчиками в руках.

Отец Игнатий, секретарь Рангони, читает молитвенник. Входит Рангони, преклоняется перед Распятием, творит молитвы. Слышна органная музыка и тихое пение.

Окончив молитвы, Рангони подымается. Жестом отсылает служек.

Рангони (о. Игнатию). Я должен продиктовать вам важное письмо кардиналу Боргезе,

О. Игнатий садится и готовится писать.

Рангони (диктует). Прошу, ваше преподобие, доложить Святейшему отцу о свидании моем с царем Борисом. Я передал поздравления Его святейшества, а также пожелания его о соединении церквей. Но на сие последнее царь Борис, подобно всем упорным и невежественным схизматикам московским, отвечал мне лукаво и уклончиво. Я имею, однако, другие, лучшие вести. Сын царя Иоанна, прямой наследник московского престола, царевич Димитрий, почитавшийся убитым, Божьим чудом спасен. Ныне, при нашем содействии, он имеет быть отправлен, до времени, в Литву. Мы уповаем, что Святейший отец примет его под свое высокое покровительство, о чем известит и короля Сигизмунда [23] польского, верного сына святой нашей церкви. Сей воскресший Димитрий, воссев на престол своих предков, будет нам великой помощью во святом деле возвращения московских схизматиков в лоно единой апостольской Римской церкви. Аминь.

Берет письмо у о. Игнатия, прочитывает его, подписывает и запечатывает своей печатью. Затем снова склоняется перед Распятием. Слышны те же звуки органа, медленно затихающие.

XII. Бал у Мнишек

Замок Сандомирского воеводы, Юрия Мнишек [24], в Самборе. Ряд освещенных зал. Бальная музыка. Пары танцующих кавалеров и дам.

О. Мисаил с подстриженными волосами и бородой, в слишком для него узком, арамантового бархата, польском жупане, в желто-шафранных, атласных штанах в обтяжку, стоя у поставца с винами и попивая венгерское, смотрит на танцующих.

Митька, выросший, тонкий, как тростинка, в шелковом белом, на розовой подкладке доломане с серебряным шитьем и собольей опушкой, в белой лебяжьего пуха шапочке с изумрудным пером и двумя по бокам белыми крылышками, похожий на амура, подходит к о. Мисаилу.

Митька (вглядываясь). Батька, ты?

Мисаил. Я-то батька, а ты кто?

Митька. Митьку не узнал?

Мисаил (кидаясь ему на шею). Митенька; светик мой, родимый! Вырос-то как, молодцом каким стал, карсавчиком! А я-то думал, пропал малец. Где же тебя Бог носил?

Митька. В Львове, у ксендзов, учился.

Мисаил. Давно ли здесь?

Митька. С панночкой вчера из Кракова.

Мисаил. Хлопцем у нее, что ль?

Митька. Нет, пажом. Лыцарское звание шляхетское!

Мисаил. Ну, пошли тебе Бог. Кабы только у ксендзов не облатынили. Держи ухо восторо, сынок, крепко за веру стой!

Митька (лукаво). А ты, отче, рясу-то скинул?

Мисаил. Скинул, батюшка, скинул, ох, согрешил окаянный! Ну, на Москву вернусь, отмою, и паки шмыг под шлык. Ряса, что кожа, – небось не сдерешь. Нам без ряски нельзя. Мне и Гришенька... тьфу! Великий государь наш, Димитрий Иванович, архиерейский клобук обещал, а то, гляди, и в патриархи выскочу. (Указывая на бывшего инокка Григория, нынешнего царевича Димитрия, идущего в паре с дочерью князя Мнишек, Мариною). [25] Вишь, сколь-то наш как откальвает, пес его заешь! Ну, да и та, чертова девка, умеет плясать. Аж и меня разбирает – так бы и пустился в пляс! Это какой же по-ихнему будет?

Митька. Краковяк.

Мисаил. Лихо, лихо, жги! (Подплясывая и притоптывая):

Коль со щукой ходит рак,
Так и сяк, так и сяк,
Раскоряк – Краковяк!
(Вдруг остановившись). Чтой-то у меня как будто сзади треснуло? Глянь-ка, сынок, не на спине ли шов?

Митька. Нет, пониже.

Мисаил. Ну-у? И видать?

Митька. Видать.

Мисаил. Ох, искушенье! Говорил я шведу: «Узко-де шьешь, подлец, распорется». Митенька, батюшка, стань-ка сзади, притулись как-нибудь, епанечкой прикрой, а то срам, засмеют нехристи: «Вот, скажут, архиерей с дырой!»

Митька. Стать-то недолго, отец, да не все же стоять, как пришитому!

Мисаил. А мы пойдем, потихонечку, да и проберемся как-нибудь в девичью, там меня живо девки заштопают!

Митька с Мисаилом уходят. Музыка играет мазурку. Трое панов, глядя на танцующих, беседуют.

Пан Станислав (указывая на Марину с Димитрием). Нашей-то панночке вон как не терпится: крунку алмазную да горностаеву мантийку вздела, – поскорей бы в царицы московские!

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
Пан Иордан. А молодец-то пляшет недурно, вон каблуками как притоптывает, по-нашему, ясновельможному! Где научили так скоро?

ян Замойский.[26] Пять лет не скоро, а где – у наших же святых отцов: доки не все Богу молиться, черту плясать!

Пан Станислав. Воля ваша, паны, а я все гляжу на него, да в толк не возьму, кто он такой? Шутка сказать, сам папа признал. Может и вправду царевич. Вон все говорят, вместо него другого младенца зарезали.

ян Замойский. Кто говорит? Москали набрехали, а мы и уши развесили. Что за плавтова комедия, помилуйте, велено было царевича убить, а убили куренка!

Пан Станислав. Да этот-то, этот кто же? Оборотень, что ли, тень, туман с болота? Ну-ка, подойди, пощупай, – сквозь рука не пройдет. Кто же он такой?

ян Замойский. А черт его знает! Беглый монах, хлоп Вишневецких,[27] жид некрещеный, аль сам бес во плоти. Лучше знают про то отцы-иезуиты, – их стряпня, их и спрашивай!

Пан Иордан. А я, панове, так полагаю, не в обиду будь сказано вашей милости. Кто он такой, нам горя мало. Сколько было примеров, что Бог возвышал и подлого звания людей: царь Саул[28] и царь Давид[29] тоже не белая кость. Так и этот, кто бы ни был, есть Божие орудие. Будет нам польза и слава не малая, как посадим его на московский престол: тут-то и запляшут москали под нашу дудку!

ян Замойский. Кто под чью дудку запляшет, пану Богу известно; войну затевать из-за вора, лить за плута польскую кровь, черта делать оружием Божиим, – всему честному шляхетству позор!

Мисаил, заштопав штаны, появляется снова. Митька – с ним.

Пан Станислав (указывая на них). А вон и Силен[30] краснорожий, Дон-Кихота Московского Санчо-Панса верный, а тот, за ним, Купидончик сахарный, Маруськин паж, – тоже по имени Димитрий!

Пан Иордан. Как, еще один? Димитрий второй?

Пан Станислав. Второй или третий, смотря по тому, кто настоящий первый.

Пан Иордан. Иезус Мария, сколько же их всех?

Пан Замойский. Сколько теста хватит: мы нынче царьков, как московская баба – блины, печем!

Димитрий, после мазурки, усаживает Марину.

Марина (обмахиваясь веером). Ух, закружили, с вами беда! А кто пана мазурку учил?

Димитрий. О. Алоизий.

Марина. А фехтовать?

Димитрий. Он же.

Марина. А вирши писать?

Димитрий. О. Игнатий.

Марина. Видно, святые отцы не забыли шляхетного звания. Ну, да и пан, должно быть, ученик прилежный.

Димитрий. Пани Марина, я давно хотел вам сказать...

Марина (перебивая). Завтра в поход?

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org

Димитрий. Нет, не завтра.

Марина. Когда же?

Димитрий. Это знаете вы.

Марина. Я? благодарю за честь. Рыцарь в бой спешит, а дама не пускает; «Не уходи, коханный, побудь со мной!» Так, что ли?

Димитрий. Нет. Не так.

Марина. А как же?

Димитрий. Ты знаешь, Марина, я не могу расстаться с тобою, быть может, навеки, не сказав тебе всего, что у меня на сердце...

Марина. Ну, что ж, говорите, я слушаю.

Димитрий. Здесь, на балу? Нет, ты мне обещала...

Марина. Завтра вечером в одиннадцать, в липовой аллее, у фонтана.

Быстро встает и уходит. Димитрий сидит, задумавшись.

О. Игнатий (подойдя к нему сзади на цыпочках и наклоняясь к уху его). Как наши дела, сын мой? (Присаживаясь). Ждем короля с минуты на минуту. Помнишь ли все, что я тебе говорил: вольный пропуск ксендзов на Москву, строение костелов, права Иисусова братства и корень, корень всего, не забудь воссоединение церквей, под верховным главенством Рима... А вот и монсиньор.

Папский нунций, Рангони, в кардинальской фиолетовой шапке и мантии, появляется в дверях.

О. Игнатий. Ну, помоги тебе Господь и матка Ченстоховска, ступай, сын мой, ступай с Богом!

Димитрий (встает и, усмехаясь, тихо про себя). Точно как тогда у Шуйского: «С Богом ступай», и «Чем черт не шутит!»

Подходит к нунцию и преклоняет колена. Тот благословляет его. Слышатся трубы, сначала далеко, потому все ближе и ближе. Бальная музыка стихает, пары перестают кружиться.

Все (кидаясь к темным окнам с краснеющим царевом факелов). Король! Король!

Двери на парадную лестницу открываются настежь. Хозяин дома, князь Мнишек, с ближними панами и шляхтою, идет навстречу королю. Слуги стелят к дверям дорожку алого бархата, дамы усыпают ее зелеными лаврами и белыми розами. Польские гусары, гайдуки, алебардчики строятся в два ряда по лестнице.

Трубы трубят, музыка играет триумфальный марш. Входит король Сигизмунд. Нунций, взяв Димитрия за руку, подводит его к королю. Димитрий преклоняет колено.

Нунций. Ваше Величество, я счастлив представить вам, с благословения Святейшего Отца, законного Московских государей наследника, чудом от руки злодеев спасенного, царевича Димитрия, сына Иоаннова!

Сигизмунд (подняв Димитрия, обнимая его и целуя). Счастливы и мы, брат наш возлюбленный, принять тебя под сень державы нашей! Бог да поможет тебе вступить на прародительский престол.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Марина (подавая королю, на золотом, подносе, кубок). Меду нашего
Самборского отведай, пан круль!

Сигизмунд (поцеловав Марину в голову, взяв кубок и поднимая его). Здравие
великого государя Московского, Димитрия, сына Иоаннова! (Выпив кубок до
половины, передает его Димитрию). Пей и ты, брат наш. Вместе да будут наши
сердца, как вместе мы пьем тот кубок!

Димитрий (подымая кубок). Здравие короля Сигизмунда! Братских народов Литвы
и Руси вечный союз!

Все (махая платками и кидая шапки вверх). Виват! Виват! Виват!

Мисаил (громче всех, таким оглушительным ревом, каким в Московских церквах
ревут протодиаконы). Благоверному, великому государю нашему, Димитрию
Ивановичу – многая лета!

XIII. У фонтана

Ночь. Круглая, большая луна над садом в осеннем уборе. Тихо, без шелеста,
падают иногда листья с вековых деревьев на площадку, где белеет фонтан.
Очень светло, как всегда в луну. Ночь осенью. Фонтан журчит, брызги
разноцветно переливаются в лунных лучах.

Входит Димитрий. Оглядывается, прислушивается. Потом садится на широкую
каменную скамью против фонтана. Опять прислушивается. Но все тихо, только
журчит фонтан. Димитрий замечает на скамье забытую лютню. Берет ее,
задумчиво перебирает струны. Начинает напевать:

Наш святой Себастьян...
Сколько стрел, сколько ран,
Как земля под ним кровава...
Но и в муках Себастьян
Горним светом осиян,
Слава! Палачи ему грозят,
Стрелы лютые разят,
Искушают палачи:
«Себастьян, не молчи,
Себастьян, открой уста,
Отрекися от Христа!»
Но в очах небесный свет
И на все один ответ,
«Отрекаешься ли?» «Нет!»
Слава!

Марина в это время выходит из-за деревьев. Димитрий ее не видит. Неслышно
она подходит ближе. На плечах ее накинута соболья шубка, на голове белая
вуаль. Подходит ближе. Димитрий вскакивает и бросается к ней. Берет ее за
руки.

Димитрий. Марина, ты! Наконец-то! Как ждал я! Уж думал, не придешь...

Марина. А хорошая песенка, царевич? Моя любимая. Только ты не кончил. Аль
забыл?

Берет у него из рук лютню, садится на скамью и доканчивает песню.

Панни, панночка моя,
Себастьян – это я!
От твоих нежных рук
Жажу ран, жажду мук.
Быть живой мишенью стрел.
Так и мне Господь велел.
И моя слеза кровава...
Сколько ран, сколько бед,
И на все один ответ,
«Отрекаешься ли?» – Нет!
Мучься плоть, лейся кровь!
Умираю за любовь, –

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Слава!

Димитрий (берет ее за руки). Да, да, так! «Умираю за любовь!» Только одно и помню, кохана моя, богиня моя! (Ведет ее к широкой каменной скамье против фонтана. Садится).

Марина. Царевич...

Димитрий. Мучился, ждал тебя... И вот ты пришла, ты одна со мною... Дай же высказать все, чем горит сердце! Благословен день, когда увидел я тебя впервые! Не знал я дотоль сладостной любовной муки...

Марина. Постой, царевич. Не для нежных речей любовника назначила я тебе здесь свидание. Верю, любишь... Но слушай, с твоей судьбой, неверной и бурной, я решилась соединить свою: открой же ныне мне твои тайные надежды, намерения, опасения. Я не хочу быть безмолвной рабой, покорной наложницей. Я хочу быть достойной супругой, помощницей Московского царя!

Димитрий. О, дай мне забыть хоть на единый час мои тревоги! Забудь и сама, что я царевич, помни только любовь мою...

Марина. Нет, Димитрий. Я почла бы стыдом для себя забыть в обольщении любви твой сан, твое высокое назначение. И тебе должно оно быть дороже всего. Ты медлишь здесь. У ног моих, а Годунов уж принимает меры...

Димитрий. Что Годунов? Что трон, что царственная власть? Жизнь с тобой в бедной землянке, в глухой степи я не променяю на царскую корону. Ты – вся моя жизнь!

Марина. Слыхала я не раз такие речи безумные. Но от тебя их слушать не хочу. Знай: отдаю торжественно я руку не юноше, кипящему любовью, а наследнику Московского престола, спасенному царевичу Димитрию.

Димитрий (встает). Как? Постой, скажи: когда б я был не царской крови, не Иоаннов сын... любила б ты меня?

Марина. Ты – Димитрий, и любить другого мне нельзя.

Димитрий. А если я другой! Меня, меня б ты не любила? Отвечай!

Марина молчит.

Димитрий. Молчишь? Так знай же: твой Димитрий давно погиб, зарыт и не воскреснет.

Марина (тоже встает). А кто же ты?

Димитрий. Кто бы ни был, – я не он. (Марина закрывает лицо руками). Но кто бы ни был я, стоящий пред тобою, я тот, кого избрала ты и для кого была единою святыней... Решай теперь... Я жду!

Падает перед ней на колени. Марина открывает лицо и делает шаг назад.

Марина. Встань. Я видела немало панов ясновельможных и рыцарей коленопреклоненных. И отвергала их мольбы не для того, чтобы неведомый...

Димитрий (вскакивает). Довольно! Вижу, вижу! Стыдишься ты не царственной любви! Ты шла сюда к царевичу, наследнику престола, любила мертвеца. Я с ним делиться не хочу. А любви живого – ты не достойна. Прощай.

Марина. Все выболтал, признался... для чего? Кто требовал твоих признаний, глупый? Уж если предо мною так легко ты обличаешь свой позор, не диво, коль пойдешь болтать и каяться пред всеми.

Димитрий. В чем каяться? Кому? Тебе одной моя любовь открыла тайну.

Марина. А если я сама ее открою всем?

Димитрий. Открой, пожалуй. Кто тебе поверит? Я не боюсь тебя. Что нужны королю, шляхетству, папе, царевич я, или нет? Я им предлог раздоров и войны – им большего не нужно от меня... Но тайная судьба меня ведет! Я – не Димитрий? Тень Грозного спроси, кто я! Вокруг меня волнуются народы, дрожит Борис, мне обречен на жертву... И что бы ни сулила мне судьба, погибель или венец...

Марина. Венец? Тебе!

Димитрий. Да, мне! Кто раз был осиян величием царским, на том оно уж не померкнет. И, может быть, ты пожалеешь когда-нибудь любви отвергнутой...

Марина. Но я любви твоей не отвергала, царевич! Вступи лишь на престол...

Димитрий. Нет, панни! Купленной любви не надо мне. Вот женщины! Недаром учат их бежать отцы святые! Змея, змея! Глядит, и путает, и вьется, и ползает, шипит и жалит...

Марина. Пстой. Димитрий, не понял ты...

Димитрий. Все понял, все! Узнал тебя. А ты... ты не узнаешь ввек, царевич ли тебя любил, или другой, бродяга безымянный... Как хочешь, так и думай. Теперь, хотя бы ты сама любви моей молила, я не вернусь. (Хочет уйти).

Марина (кидаясь к нему). Мой милый, погоди, пстой!

Пытается обнять его, но Димитрий ее отталкивает и уходит. Марина падает на скамью почти без чувств.

XIV. Казни

1

Большая приемная палата. Бояре, сановники, приближенные. Между ними Шуйский. Переговариваются между собою вполголоса: «Как смутен государь!» «Зачем собрал он нас сюда?» «Он вызвал Шуйского. Потом сказал, что выйдет сам». «Ты что слыхал?» «Я? Ничего, помилуй!»

Выходит Борис. Он бледен, со странным, то пустым, то вдруг загорающимся взором. Тяжело садится в кресло. Несколько мгновений молчит. Потом медленно, как будто про себя, начинает.

Борис. Державным кораблем я управлял спокойно и в ясный день на бег его глядел. Вдруг грянул гром... Морскую гладь с налету взрыла буря... И ныне прошла пора медленья. Сдержат народ лишь сторогостию можно неусыпной. Так думал Иоанн, смиритель бурь, разумный самодержец. Да, милости не чувствует народ. Твори добро – не скажет он спасибо. Грабь и казни – тебе не будет хуже... (Задумывается. К Шуйскому). Что, боярин, не утихают толки? Прямо говори!

Шуйский. Нет, Государь. Уж и не знаешь, кого хватать. Повсюду та же песня: хотел-де царь Борис царевича известь, но Божьим чудом спасся он и скоро будет.

Борис (прерывисто подымается). Рвать им языки! Не тем ли устроить меня хотят, что много их? Хотя бы сотни тысяч, всех молчать заставлю, всех пред собою смирю! Зовут меня царем Иваном? Так я ж не в шутку им напомию. Меня винят упорно, так я ж упорно буду их казнить! Увидим, кто устанет прежде!

Поворачивается и уходит, среди гробового молчания. Все неподвижно замерли. После мгновений тишины.

Шуйский. Так я и знал! Пощады никому. Казнь кличет казнь... И чтоб кровь правых не лилася даром – топор все вновь подымется к ударам!

2. Картина без слов

Москва. Большая торговая площадь внутри Китай-города. Множество виселиц. Среди них несколько срубов с плахами. Немного подале, на перекладине между столбов, висит огромный железный котел. С другой стороны срубов торчит одинокий столб с приделанными к нему цепями. Вокруг столба работники наваливают костер. Между виселицами – всякие другие орудия неизвестного назначения.

Улицы опустели, лавки закрылись, народ попрятался, мертвая тишина. Ни звука, лишь говор распоряджающихся работами, да неумолчный стук плотничьих топоров.

Ночь. Затихли и эти звуки. Месяц, поднявшись из-за зубчатых стен Кремля, освещает безлюдную площадь, всю взъерошенную кольями и виселицами. Ни огонька в домах, ставни закрыты, лишь кое-где теплятся лампы у наружных образов церквей.

Спят ли люди? Нет, молятся, ожидая рассвета.

Рассвет. Карканье ворон и галок, стаями слетаются они на кровь, кружатся над площадью, черными рядами унижают церковные кресты, князьки, гребни домов и виселицы.

Отдаленный звон бубен и тулумбанов. Это начало, с рассветом, казней (но их не видно).

XV. Ставка Самозванца. Димитрий и Марина

1

Старый, запустевший, полуразрушенный замок на бывшем польском фольварке (близ реки Десны, под Новгород Северским, где стоят войска Димитрия, готовясь к бою). Ранняя зима. Лежит снег, еще не глубокий. Шатер Димитрия (главная ставка) находится ближе к войскам, на другом берегу, но он проводит с приближенными ночь в замке. Походная постель его в одном из верхних наименее разрушенных покоев. Внизу у крыльца – громадные сени, в глубине которых темная древняя каменная лестница, а направо – обширная кухня-столовая. Полстены занимает очаг, где недавно был сготовлен ужин: жарилась оленина, кабан, тетерева. Лавки, длинные столы, несколько деревянных стульев и даже резное кресло. На нем сидит Димитрий, у самого огня. Высокое пламя, ему не дают погаснуть, подбрасывают сучья и поленья, хотя ужин кончился и только в двух-трех котелках еще варится пунш. Вокруг огня около Димитрия много народу – его приближенные: русские бояре, к нему перешедшие, поляки, все одетые по-военному. У дверей стража, солдаты, Димитрий и сидящие вокруг него пьют пунш. Немного в стороне, но тоже за кружкой, Мисаил. И он в военном кафтане, с кожаным поясом на пузе, с пистоллями и кинжалом.

За креслом Димитрия, в тени, на низенькой скамеечке, ютится молоденькая девушка, черноглазая, кудрявая, робкая. В руках у нее какой-то музыкальный инструмент, может быть, лютня. Чуть слышно перебирает струны. Димитрий задумчив, склонив голову на руки, смотрит на огонь.

Пан Жолкевский [31] (толстый, красный). Эй, царевич. Опять заскучал. Не гоже. (К девушке с лютней). А ты ж что? Пой песенку, да поладнее.

Нанета (робко). Вот песня хорошая, про любовь. (Перебирает струны кроме и вдруг напевает).

Наш святой Себастьян...
Сколько стрел, сколько ран.
Как земля под ним кровава...

Димитрий (ударяя рукой по столу). Не надо эту. Замолчи.

Нанета пугливо замолкает. Несколько угодливых восклицаний вокруг: «И то, нашла песню», «Ран не видали», «Ладно выбрала» и т. д.

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
Димитрий. До песен ли нам, паны, бояре? Другие игры нас ждут. Сказывали, взят пленный. Ввести его ко мне.

Вводят русского пленника.

Димитрий. Ты кто?

Пленник. Московский дворянин Рожнов.

Димитрий. Не совестно тебе, Рожнов, против меня, законного государя, руку подымать.

Рожнов. Не наша воля.

Димитрий. А что в Москве?

Рожнов. В Москве тихо. Царь, слышь, с ворожеями заперся.

Димитрий. А про меня что говорят?

Рожнов. Да не слишком нынче о тебе смеют говорить. Кому язык отрежут, а кому и голову. Лучше уж молчать.

Димитрий. Завидна жизнь Борисовых людей. У меня того не будет. Свобода будет в моих владениях. (К Рожнову). А войско что? Много ли его?

Рожнов. Да наберется тысяч пятьдесят.

Пан Вишневецкий (тихо димитрию и боярину Шеину). А нашего-то будет всего пятнадцать тысяч.

Димитрий не отвечает, махает рукой, чтобы увели пленного. Его уводят. Димитрий как бы снова в задумчивости.

Боярин Шеин (Вишневецкому). Ошибся ты, нашего и пятнадцати нету.

Вишневецкий (показывая глазами на Димитрия). Тут заскучаешь.

Димитрий (быстро оборачивается к говорящим). Что? Уж не мните ли вы, что в том моя забота?

Шеин. Нет, государь. Что до меня – я знаю, мы сильны, и знаю, чем сильны: не войском, не польскою подмогой, в имени твоём сила твоя.

Димитрий (встает). Ты хорошо сказал, боярин. Все за меня, и люди и судьба. Чего страшиться нам? Друзья, чуть свет на завтра в бой. И горе Годунову.

Все окружают его, возгласы: «Слава царю Димитрию Иоанновичу!» «В бой!» «За здравие царя!» «За победу над изменниками!» и т. д. Пунш дымится, чокаются, пьют. Мисаил в углу тоже пьет, но охает. «Ишь расхрабрился. На эдакую-то силищу прет, и горя мало ему. Ну, да ладно. Побьемся, посмотрим, чья возьмет». В эту минуту входит один из стражников, быстро идет прямо к Димитрию.

Стражник. Государь, с литовской стороны гонец к тебе.

Димитрий. Гонец? А от кого?

Стражник. Да не признается. К самому, мол, царевичу, и дело неотложное.

Димитрий. Скажи, пусть войдет.

Стражник. А говорит, будто дело у него тайное.

Димитрий. Проводить его наверх в горницу, где для меня убрано. Я сейчас

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
туда буду.

2

Небольшая горница наверху. Темный потолок с толстой поперечной балкой. Облупленные стены. В углу походная койка Димитрия с наброшенным меховым одеялом. На полу тоже несколько медвежьих шкур. Одна фигура у небольшого черного камина, где трещат наваленные толстые сучья. На деревянном столе, что близ узкого подъемного окна, горит и оплывает сальная свеча.

Стройный маленький гусар стоит у камина, протянув руки к огню. Оборачивается на скрип двери.

Димитрий входит, запирает дверь и останавливается у порога.

Несколько минут молча смотрят друг на друга.

Гусар. Димитрий, это я.

Димитрий бросается вперед, но внезапно останавливается на середине комнаты.

Димитрий. Безумная. Что ты затеяла? Что хочешь от меня?

Марина. Только быть с тобой. Опасности с тобою разделять. И если ты погибнешь – умереть с тобой.

Дмитрий. Скажи, пожалуйста! Как заговорила. Да ладно, я речам полячки хитрой веры не даю. Явилась как сюда?

Марина. Я – здесь, довольно было б этого для веры. Прознав, где ты, я отчий дом покинула тайком.

Димитрий. Смела, хоть женщина. Да в толк я не возьму, почто старалась? Отряжу сейчас людей надежных, они домой тебя доставят.

Марина. Тому не быть. (Делает шаг к нему). Димитрий, не для того летела я к тебе...

Димитрий. Ко мне? К царевичу? К наследнику престола? Опять ты за свое, нет, панночка, мне нынче не досуг. И песенки твои не время слушать, а захочу, внизу есть славная певунья. Вон слышишь? (Доносятся звуки струн).

Марина (подбегает к нему и хватается за руки). Неправду говоришь, лукавишь. Я по велению сердца шла. Взгляни мне в очи... я тебя люблю. Тебя, тебя, а кто ты – что мне нужны.

Димитрий. Марина... Нет, я обольщениям обмана боле не поддамся. Над сердцем взял я силу не напрасно...

Марина (смотрит в лицо ему, все ближе, и обнимает). Да, ты силен, ты горд. А сильным Бог владеет. Ты победил надменную Марину. (Объятия сжимаются теснее).

Димитрий. Марина, сердце. Сонное мое мечтание. Тоску любви я превозмочь хотел... Хотел забыть... а ты –

Марина. В твоей навеки власти. Томи, терзай, – я от любви не отрекись... И «моя стезя кровава; мучься, плоть, лейся, кровь...»

Димитрий (Марина в его объятиях, почти у него на руках). Умираю за любовь.

Марина. Верить теперь, глупый, милый, милый?..

Свеча на столе трещит, вспыхивает и гаснет. Темно, чуть бродят отсветы камина. Снизу слышна тихая музыка. Постепенно она умолкает. Заря и звук трубы.

Узкий четырехугольник окна начинает голубеть снежным рассветом. Марина, укрытая меховым одеялом. Димитрий у ног ее на медвежьей шкуре, положив голову на одеяло – спит.

Шаги, громкий стук в дверь. Димитрий быстро вскакивает.

Голос. Царевич. Воевода с докладом. Все готово.

Димитрий (громко). Иду, иду.

Наклоняется к Марине. Она освобождает руки из-под одеяла и обнимает его.

Димитрий. Сердце мое, голубка моя. Жди меня здесь, я вернусь. Сегодня будет весело... Верю теперь в свое счастье, Господь ведет меня.

Марина (целуя Димитрия). Да поможет Он нам, любимый мой царевич.

XVI. Бой

Зимнее, оттепельно-темное, тихое утро на лесной, мелким и частым ельником окруженной поляне с болотистыми под снегом кочками, на крутом берегу Десны, у Новгород-Северска. Близкие, черные на сером небе, крестики еловых верхушек, и золотые, далекие кресты церковных маковок.

Белка, сидя на елке и прямо подняв над головой пушистый хвост, грызет еловую шишку. Тетерев, прыгая с кочки на кочку, клюет кораллово-красные ягоды подснежной, во мху, брусники. Заяц, выйдя из норы под елкой, становится на задние лапы, умывается снегом, нюхает воздух и прядет ушами, прислушиваясь. Тихо все, так тихо, что слышно, как слеза за слезой капает с отягченных снегом еловых лап прозрачно-светлая капель.

Вдруг, очень далеко, трубы трубят, бьют барабаны, и тяжелым, глухим, точно подземным гулом раскатывается пушечный выстрел.

Заяц, поджав уши, кидается через поляну в лес и перебегает дорогу двум всадникам, Димитрию и князю Льву Сапеге, воеводе Мазурских гусар.

Сапега. Тьфу! Заяц, черт! Свернем...

Димитрий. Полно, пан! Зайца испугался Лев?

Сапега. Что делать, царевич? Злых примет на ратном поле боюсь. Я, видно, не так избалован судьбой, как ваше высочество... об одном прошу, не искушай судьбы, не кидайся в огонь очертя голову.

Димитрий. Ладно, ладно, вперед!

Скачет, пришпорив коня, так быстро, что Сапега едва поспевает за ним. Трубный звук, бой барабанов и пушечный гул приближаются.

Всадники, спустившись к реке и переправившись через нее по талому снегу с водой, въезжают на тот берег. Здесь, на открытом поле, лагерь: котлы кашеваров, коновязи и шатер под двуглавым орлом, ставка царевича.

Димитрий входит в шатер. Старый боярин Шеин с низким поклоном подает ему стальную кольчугу с двумя золотыми двуглавыми орлами, одним на груди, другим – на спине, шлем, с яхонтовым на острие крестиком, и двумя финифтяными образками спереди, св. Георгия Победоносца и Ченстоховской Богоматери. Шеин помогает Димитрию надеть доспехи. Тут же суетится о. Мисаил.

Шеин. Что суешься, отче, без толку? Не твоего ума дело!

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org
О. Мисаил (обнимая и благословляя Дмитрия). Ну, с Богом, Гришенька... тьфу!
Митенька... Дмитрий Иванович, государь наш, батюшка, храни тебя Господь и
Мать Пречистая!

Дмитрий выходит из шатра, садится на лошадь и скачет в бой, под
развешиваемой зеленой шелковой хоругвью, с такими же, как на шатре,
двуглавыми орлом и Деисуом.

Мимо проходят войска Польские гусары, в леопардовых шкурах вместо плащей, с
длинными, воткнутыми у седельной луки, по земле волочащимися пиками и
прикрепленными к седлам огромными белыми, точно лебедиными, крыльями, когда
скачут гусары в пороховом дыму, то кажется, огромные белые птицы летят.

Пешие московские ратники в простых кафтанах-однорядках, серых, с красной и
желтой опушкой, в острых стальных шишаках, с кольчатой, от сабельных ударов
затылок и шею закрывающей сеткою-барминзой, с ружьями-пищалями, такими
тяжелыми, что для стрельбы кладут их на четырехногие рогатки-подсошники.

Казачьи, в широких, красного сукна шароварах, в черных кипреях и смушковых
шапках, с копьями и самопалами.

Дикие, на диких конях, калмыки и башкиры, с луками и стрелами, налитыми
ядрами, более чем пули смертные.

Слишком для коней тяжелые, в мокром снегу увязающие пушки медленно тащат
волы.

(Все это должно казаться нынешнему зрителю игрушечным, как оловянные
солдатики).

В стане Московцев, крепостная засека, на холме над Десною. Земляные насыпи
с плетнями, обломами, валами и раскатами. Пушки разных калибров:
фальконеты, длинные, тонкие, толстые, короткие мортиры, средние
шведки-змеевики и единороги цесарские. Горки чугунных ядер, гранат и
картечи.

Маржарет (французский капитан). *Ne voyez donc, l'action s'engage sur les
arrieres de l'ennemi, tout pres de la Diesna. Le moment est propose!*
(Пушкарям, указывая на одну из мортир). *Faites avancer votre fameuse
Treskotouh!*[32]

Салтыков (воевода). Трескотуху, ребята, выкатывай!

Туренин (тоже воевода). По чем будем палить?

Салтыков. По реке. Лед взломаем, вскрыется река, пойдет, и войско как ножом
разрежет, – тыл от головы отхватит.

Туренин. Да ведь и себя разрежем. Что за дурь!

Вальтер Розен (немецкий капитан). *Ja, mein gnadiger Herr, Sie haben
recht.*[33] (На ломаном русском языке). Дура, дура большой! Мы говорили на
воен совет, но ваш воевод не слушат, хочет на свой Manier.

Два десятка младших пушкарей, под начальством старого Кузькина, выкатывают
на вал мортиру Трескотуху.

Кузькин. Бить куда велишь, государь?

Салтыков. В реку, вон под тот мысок!

Кузькин (возится долго, щурясь подслеповатыми глазами, берет прицел,
кончив, гладит мортиру ладонью, хлопывает ласково, как всадник доброго
коня) Ну-ка, царю послужи, бухни-ухни, тресни, Трескотуха, матушка!

Подносит фитиль к заправке и ждет приказа.

Салтыков. Пли!

Маржарет. Feu!

Розен. Feuer!

Кузькин сует фитиль, но Трескотуха не палит.

Маржарет. Sacrebleu! Elle ne veut donc pas faire feu, votre Treskotouh![34]

Розен. Дура, дура большой!

Салтыков. Что ж она, отчего не палит?

Кузькин (почесывая затылок). А Бог ее знает! Порох, что ли, подмок, аль так, маленько заартачилась. Ин с первого-то раза и не выпалит. С норовом, матушка. Ну, а зато уж как пойдет палить, как пойдет, страсть!

Салтыков. Ну-ка, другую выкатывай. Барса, иль Поповну.

Кузькин. Воля твоя, государь, а только тем против Трескотухи куда ж! Добрая пушка, заветная, при царе еще, Иван-Васильиче. Казань брала да Астрахань. Ну-ка, боярин, свеженького подсыпать дозвожь, да с пошептом, я словцо такое знаю, – выпалит небось!

Розен. Ach? Diesr Moskovien, Schafskopfe alle, verfluchtes volk![35]

Маржарет улыбается.

На реке, в месте укромном, заслоненном от боя береговым выступом, казаки-запорожцы – есаул Поддубный, хорунжий Косолап, рядовые, Дятел, Матерой, Хлопко[36] и другие, всего человек двадцать, сидя кругом, пьют пенник из бочонка с выбитым дном, отнятого у своей обозной бабы-торговки. Тут же с четырьмя окоченевшими, прямо как палки, торчащими ногами, лошаденка. В санях, под овчинным тулупом, лежит, точно спит, старая баба; только седая голова ее с черным на простреленном виске пятнышком видна из-под тулупа. А немного поодаль, под лисьей шубой, молодая девка, должно быть, старухина дочь, тела и лица ее не видать, видно только нога в высоком смазном сапоге и в шерстяном красном чулке под синею, в клочьях, юбкой, да голая по плечо, белая на оттепельно-сером снегу протянутая рука, да часть такой же белой девичьей груди с алою струйкою запекшейся крови, точно монистом из яхонтов.

Косолап, (с благообразным, иконописным, смуглым лицом, с висячими седыми усами и длинным седым чубом, посвистывая и позвякивая, вместо бубенцов, двумя пустыми чарками, доньшко о доньшко):

Уж ты, пьяница-пропойца, скажи.
Что несешь ты под полою, покажи!
Из корчмы иду я, братцы, удалой,
А несу себе я гусли под полкой!

Ой, жги, жги, жги!

пошла баба в три ноги!

Поддубный (молодой, с красивым и наглым лицом, совсем пьяный, – заплетающимся языком). Пей, гуляй, православный народ! Мы доселева во тьме сидели, а теперь нам свет Господь показал, – буди здрав государь наш, Димитрий Иванович! «Я, говорит, не царем вам буду, а батькою! Всех, говорит, панов порешу, а чернь пожалуй. В царстве моем. говорит, ни богатых не будет, ни бедных, – все равны, по Евангелию!»

Хлопко. Воля, значит, вольная, проси, душа, чего хочешь! Эх. любо и помирать не надо!

Матерой. Боже сохрани царя нашего Димитрия Иваныча и подай ему на враги одоление!

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org

Дятел (придурковатый, с бегающими и любопытными глазками). А что, братцы, правду говорят, будто не прямой он царевич, а вор?

Поддубный. А тебе какое дело? Вор так вор, про то знает панство, а нам была бы только нажива!

Хлопко. Пенник да девки, и вся недолга.

Ратник (молодой деревенский парень, с детски-простым лицом, войдя вниз по крутой тропинке с высокого берега). Что вы здесь, ребята, сидите? Там наших бьют, бегите скорей на подмогу!

Косолап. А их разве мало?

Ратник. Один на троих. Ляхи-то наших так в лоск и кладут!

Косолап. Ну, ладно, авось, им Господь поможет, а нам и здесь хорошо. Ступай-ка и ты к нам, пей!

Ратник (подойдя и взглядевшись в бабу и девку). А это что? Батюшки-святые! Бабка никак, наша обозная, да и девка с ней... Ах, грех какой! Что вы наделали, разбойники?

Поддубный. А тебе что? Ты нам не поп, чтобы грехи считать. В руки не давалась девка, больно ершилась, – вот мы ее и уладили, да и бабу, чтобы не хныкала, утешили!

Ратник. Нехристи вы, анафемы, окаянные!

Поддубный. Чего лаешься, пес? (Вынув из за пояса пистоль и прицелившись). Глотку свинцом заткну, – и не пикнешь!

Ратник убегает.

Косолап.

Уж ты, пьяница-пропойца, скажи. Что несешь ты под полою, покажи!

Пушечное ядро шлепает в реку и ломает лед с оглушительным треском, гулом и грохотом, не очень близко от казаков, но с такую силою, что обдает их водяными брызгами, мокрым снегом, осколками льда.

Более трезвые, вскочив, хотят бежать, более пьяные продолжают сидеть.

Косолап. Чего, дураки, испугались? Видь, далече, не хватит до нас...

Новое ядро, просвистев над их головами, падает почти рядом с ними и пробивает огромную во льду полыню. Вся ледяная поверхность под ними вдруг оседает, шатается, кренится и заливается водой, как в бурю корабельная палуба.

Крики. Тонем, тонем, помогите!

Одни бегут к берегу и проваливаются, тонут, другие, совсем пьяные, чуть-чуть побарахтавшись, идут, как ключ, ко дну – только смушковые шапки их на воде плавают. Мертвая баба, поднятая водою, зашевелилась под тулупом, точно живая, повернула к казакам седую голову и уставилась на них открытыми глазами, пристально; девка, как будто застыдившись, спрятала под шубку голую грудь.

Ратник (глядя сверху). Так вам и надо, сукины дети, покарал Господь!

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosofff.org
Ядра за ядрами падают в реку. Лед все больше ломается, полыньи ширятся, и всю ледяную поверхность заливают вода. Лыдины плавают. Кружатся, сталкиваются с треском, громоздятся и щетинятся стеклянно-прозрачными иглами. Грозно темнеет, взбухает, вздувается и кипит, как котел на огне, готовая вскрыться река.

Бой на уцелевших местах продолжается, а на залитых – стихает.

Кое-где река уже тронулась, как в весенний ледоход. Плавающие льдины-островки, там, где их много стеснилось, проходят медленно, а на открытых местах несутся быстро.

На одной из них раненая лошадь издыхает, ворон сел ей на голову и, каркая, ждет, чтобы выклевать очи; на другой тощая, с видными под кожей ребрами, сука рвет зубами что-то кровавое, и еще на другой, плывущей медленно, два ратника, лях и русский, бьются насмерть, не замечая, что льдина под ними оседает все ниже и ниже, яростно сцепились, душат друг друга и режутся. Льдина вдруг покачнулась и ушла в воду совсем, и, крепко обнявшись, как братья, оба тонут.

Димитрий (переехав по уцелевшему льду на тот берег, где замок, сидит на коне, окруженный отборной дружиной конных уланов). Вишь, жарят, дьяволы! Как бы вся река не тронулась! (Подъехавшему воеводе польскому). Пан Грешментарь, извольте разослать по всем тыловым дружинам гонцов, чтобы переправлялись живей, где лед еще уцелел.

Митька (подъехав к Димитрию на взмыленной лошади). Батюшка-царевич, беда! Замок московцы берут, казаки разбежались, а ляхов мало, не выдержат...

Димитрий. Где Марина?

Митька. В замке.

Димитрий. Эй, уланы, за мной!

Скачут во весь опор. Горсть польских гайдуков, стоя на крыльце и в сенях осажденного замка, отбивается от множества нападающих московцев и уже слабеет, отступает. Вдруг уланы, выскочив из лесу и вихрем налетев на московцев, ударяют им в тыл. Рубятся саблями, режутся ножами, схватываются врукопашную.

Хрущев (старый боярин, воевода московцев [37], заноса над головой Димитрия саблю). Дай-ка благословлю я тебя, сукин сын, свистун литовский!

Митька стреляет из пистоля в Хрущева в упор. Тот падает с лошади. Московцы бегут.

Крики (в замке). Огонь! Огонь! Горим! Спасите!

Клубы дыма валят из разбитых окон замка. Димитрий кидается в сени.

Митька (наверху, уже взбежав по лестнице). Скорей! Скорей! Дверь заперта!

Димитрий, тоже взбежав, вышибает ударом ноги дверь в спальню, красные, в сером дыму, языки пламени лижут затлевшие балки потолка. Марина лежит на полу без чувств. Димитрий, схватив ее на руки, сбегает по лестнице в сени и на крыльцо. Здесь, на свежем воздухе, Марина приходит в себя. Накинув на нее гусарскую шубку, Димитрий усаживает ее с собой на коня и скачет к реке, где переправился давеча. Здесь пальба уже прекратилась, но лед взломан ядрами.

Димитрий (улану-разведчику). Нет ли где переправы?

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org

Разведчик. Есть, у Козьего Брода.

Димитрий. Сколько до него?

Разведчик. С полчаса.

Димитрий. Далече. Мне нужно в бой сейчас... Слушай, Марина, я здесь перейду, а тебя проводят хлопцы к Броду.

Марина (прижимаясь к нему). Нет. С тобой, с тобой!

Димитрий. Светик мой, сердце мое, ради Христа, поезжай!

Марина плачет, прижимаясь к нему все крепче. Вдруг, соскочив с лошади, бежит к реке и сходит на лед. Димитрий – за нею, Митька тоже, захватив валявшийся на берегу обломок старой длинной казачьей пики.

Марина (взяв Димитрия за руку). Пойдем, пойдем, я с тобой ничего не боюсь!

Все трое идут по льду. Митька впереди щупает пикой лед. Хрупкое стекло под ними трещит и ломается иглисто-колючими звездами. Дух захватывает у смотрящих с берега, кинулись бы им на помощь, но помочь нельзя: чем больше людей, тем опаснее. А трое все дальше и дальше идут. Но, дойдя до середины реки, остановились, дальше нельзя: слишком тонок лед, и впереди полынья. Митька, заметив трещину, отделяющую льдину-островок, где они стоят, от сплошного льда, воткнул в него пикой и хочет оттолкнуться, но не хватает силенки.

Митька. Ну-ка, царевич, помоги!

Димитрий. Что ты делаешь?

Митька. А не стоять же тут век. Может, отчалим и доплывем до берега, – ведь вон, рукой подать.

Марина. Митьке верь, сколько раз меня спасал!

Димитрий помогает ему, кое-где рубит лед саблей и кое-где отталкивается пикой. Вдруг ледяной островок, отделившись, начинает двигаться, сначала медленно, потом все быстрее, и наконец, уносится вниз по течению, но, благодаря последнему сильному толчку Димитрия, не прямо, а вкось, так что, немного проплыв и зацепившись за идущую от берега ледяную косу, остановился.

Три-четыре сажени отделяют их от берега. Там уже сбегаются люди, кричат, кидают им багры с веревками и сами кидаются в воду, вбивают кольца, валят на лед солому и хворост, рубят доски, мостят на живую нитку мосток.

Митька над всеми начальствует, смелый и ловкий, легкий, точно два за плечами его, на гусарском доломане, белых крылышка носят его по воздуху.

Димитрий с Мариной сходят на берег. Садятся на коней и скачут в бой.

Там, в бою, как бы два противоположных течения столкнулись в водовороте одни наступают, другие бегут.

Крики. Беда! Беда! Царевич убит! – Утонул! Сгорел! – Пропали наши головушки! Беги, ребята, беги! – Куда вы, черти? Назад! Царевич жив, – Да нет же, убит! – Врут москаль, чтобы вас напугать да побить! – Где же он? – Вон, скачет сюда! – Да здравствует царевич Димитрий! – Так я и знал! Нет, брат, шалишь: такой не пропадает, в огне не горит, в воде не тонет! – В бой, ребята, в бой! Все умрем за царевича! – Ну, теперь, Московцы, только держись! Бей их, еретиков, антихристов!

Шум сражения. Ранние зимние сумерки, желтый туман. Мокрый, как будто теплый, снег. Глуше в тумане стук барабанов, ярче огонь оружейных и пушечных выстрелов.

В стане Московцев, на невысоком кургане, откуда видно поле сражения. Салтыков и Туренин смотрят на него в подзорную трубу.

Туренин. Что за диво? Наши как будто бегут...

Салтыков. Что ты, боярин, типун тебе на язык, только что ляхи бежали...

Туренин. Да, а теперь наши. Глянь-ка сам!

Салтыков (смотрит, протирает стекла). Что такое? И впрямь, будто бегут...

Туренин. Вишь, валом валят, да прямо сюда. Сейчас узнаем...

Крики. Беда! Беда! – Царевич! Ляхи! Вот они! Вот они! – Беги, ребята, беги!

Медленно плетется раненый, с повязкой на голове, старый сотник стрелецкой дружины.

Туренин. Эй, братец, поди сюда! (Сотник подходит). С поля?

Сотник. С поля, батюшка! (Указывая на голову). Вишь, с гостинчиком!

Салтыков. Что там такое, скажи на милость?

Сотник (махнув рукой). Шабаш! Вор одолел!

Салтыков и Туренин (вместе). Вор? Да ведь он убит?

Сотник. Нет. Жив. Давеча, как слух прошел, что убит, – ну, ляхи бежать, а как узнали, что жив, повернули назад, и точно бес в них вошел, так и крошат. (Оглянувшись на поле). А вот и он сам!

Салтыков и Туренин (вместе). Где?

Сотник. Глянь-ка там, у шатра, под царским стягом, – у нас же наемни отнял, сукин сын, – на белом коне гарцует... (хватаясь за голову). Ох, больно! Дозвольте государи...

Туренин. Ступай, брат, ступай.

Сотник уходит.

Салтыков (смотрит в трубу). Он... а может не он. Ну-ка... ты посмотри, не узнаешь ли?

Туренин (смотрит). Черт его знает, туман, не видать... (Быстро отняв трубу от глаз). Тьфу!

Салтыков. Что ты?

Туренин молча крестится.

Салтыков. Да ты что такое?

Туренин. Плохо дело, Васильич. Думали мы, что с человеком ратуем, а это...

Салтыков. Кто же это?

Туренин (шепотом, на ухо). Стень.

Салтыков. Что ты, боярин, какая стень?

Туренин. А какую морочит людей сила нечистая. (Салтыков тоже крестится). Коли из такой беды он выскочит, да нас же побьет, видно, сам черт за него. Что с ним сделаешь? Бей. Руби. Коли. – Не сгинет, – в огне не горит, в воде не тонет. До Москвы дойдет. – Борисову Царству, а может, и всей Руси конец.

В стане Дмитрия. Он сидит на коне, под царскою, зеленого шелка, хоругвью с черным двуглавым орлом и Деисусом. О. Мисаил держит ее над ним. Тут же Марина и Митька.

Шум битвы стихает. Быстро темнеет, зажигаются огни. В красном отблеске их, на зелено-золотистом шелку хоругви, лицо Дмитрия кажется святым ликом на иконе.

Дмитрий. Слава Отцу и Сыну и духу Святому! Мы победили! Ударить отбой! Довольно, ребята! Щадите русскую кровь! Отбой!

Все. Слава царевичу Дмитрию! Да живет царь Московский! Виват! Виват!

О. Мисаил (громче всех). Благоверному великому государю нашему Дмитрию Иванычу многая лета!

Дмитрий (обнажая саблю и указывая вдаль). На Москву!

Все. На Москву! На Москву!

Примечания

1

Феодор Иоаннович (1557–1598), русский царь с 1584 г.

2

Иоанн IV Васильевич (1530–1584) – великий князь «всея Руси» с 1533 г., первый русский царь с 1547 г.

3

младший сын (1581–1591) Иоанна Грозного.

4

Годунов Борис Федорович (ок. 1551–1605) – русский царь с 1598 г.

5

Шуйский Василий Иванович (1552–1612) – один из противников Бориса Годунова, глава заговора против Лжедмитрия I, русский царь с 1606 г.

6

Годунова Ирина Федоровна, жена царя Феодора Иоанновича.

7

Малюта Скуратов-Бельский, Григорий Лукьянович, думный дворянин, любимый опричник и жесткий сподручник всех кровавых деяний Ивана Грозного, задушил митрополита Филиппа (1569). Умер в 1572 в Ливон. походе. Одна из дочерей его была замужем за Борисом Годуновым.

8

Семен Никитич Годунов – близкий родственник Бориса Годунова, глава Аптечного приказа, позднее – глава ближней думы, руководил сыском.

9

Григорий – Лжедмитрий I – Юрий Богданович Отрепьев) (ок. 1582–1606), русский царь (до 1606 г.). Сын стрелецкого сотника Отрепьева, слуга Ф. Н. Романова. Монах кремлевского Чудовского монастыря, ставший дьяконом и приближенным Чудовского архимандрита. Назвавшись сыном Иоанна Грозного. Заключил тайный договор о передаче польскому королю Сигизмунду III Черниговско-Северской земли, а семье Мнишков – Новгорода и Пскова, о военной поддержке польского двора в войне со Швецией. Тайно принял католичество. Первый русский император.

Мисаил – Михаил Трофимович Повадъин, боярский сын из Серпейска. Сподвижник Отрепьева, поверивший в его царское происхождение.

10

Отмена права крестьян один день в году, в день св. Георгия в конце ноября, покидать своего помещика и переходить к другому.

11

царские оруженосцы и телохранители

12

Годунов Федор Борисович (?–1605) – сын Бориса Годунова, убит вместе с матерью в дни царствования Лжедмитрия I.

13

Воейков Иван Васильевич (?–1606), дворянин, один из убийц Лжедмитрия I.

14

Салтыков М.М. – боярин, князь, путивльский воевода, отказавшийся присягнуть Лжедмитрию I.

15

В 1604 г. обратил Отрепьева в католичество.

16

Канцлер, посол Литвы, активный сторонник Отрепьева.

17

Ксения Борисовна Годунова, дочь царя Бориса Годунова.

18

Послание к Ефесеям (V, 26).

19

Мережковский Д. Борис Годунов (киносценарий, сцены I–XVI) filosoff.org

Стрефил (греч.)– страус. В русских духовных стихах – «всем птицам мать». Соотносится с Алконостом – райской птицей с человеческим лицом.

20

т. е. Б. Годунов

21

Мать Григория – Варвара Отрепьева, жила в Галиче и привлекалась к следствию для опознания сына.

22

Смирной-Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин и при царствовании Годунова получил чин стрелецкого головы.

23

Сигизмунд ?II (1566–1632) – король Польши. С 1592 по 1604 г. – король Швеции.

24

Юрий мнишек (?–1613) – польский воевода из близкого окружения Сигизмунда III, участвовал в походе Лжедмитрия I на Москву.

25

Мнишек Марина (?–1614) – дочь Сandomирского воеводы Ю. Мнишека, жена трех самозванцев: Лжедмитрия I (до 1606 г.), Лжедмитрия II («тушинского вора»), казненного в 1610 г. и атамана Заруцкого, примкнувшего к Лжедмитрию II (казнен в 1614 г.). 25 мая 1604 г. в Самборе был подписан ее брачный контракт с Лжедмитрием I, включавший в себя условия расчленения России и обращение ее за год в католичество.

26

Польский коронный гетман, не признававший Лжедмитрия сыном Иоанна Грозного и отказавшийся возглавить военный поход Лжедмитрия I на Москву.

27

Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иоанном Грозным. Вишневецкий Адам – польский магнат.

28

Первый Израильский царь, сын Киса (I книга царств, IX, 2).

29

Царь Давид (р. в 1085 г. до н. э. в Вифлееме), наследник власти Саула.

30

Демон плодородия (в греч. мифологии) – воплощение стихийных сил природы, составлявший вместе с сатирами свиту Диониса.

31

польский гетман

32

Посмотрите-ка, действие разворачивается в тылу противника, совсем рядом с десной. Как раз подходящий момент... Выкатывайте вашу знаменитую Трескотуху! (фр.)

33

Да, сударь мой, Вы правы(нем.)

34

Она не хочет стрелять таким образом, ваша Трескотуха! (фр.)

35

Ах! эта Московия, овечьи головы, проклятый народ! (нем.)

36

В истории Смутного времени (осень 1603 года) под Москвой был известен Хлопко – предводитель отряда пятиста повстанцев.

37

Хрущев Петр (?-1605) – тульский дворянин. В 1604 г. был направлен московскими властями на Дон для усмирения смуты среди донских казаков.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!